

«ТЕАТР ЕВРИПИДА» ИННОКЕНТИЯ ФЕДОРОВИЧА АННЕНСКОГО

История публикаций

...русский Еврипид — это и есть тот нерукотворный памятник, который себе воздвиг И. Ф.

Ф. Ф. Зелинский

Впервые знакомясь с греческими трагиками, еще не зная греческого языка, мы воспринимали Эсхила по В. Иванову <...>; Софокла — по Ф. Зелинскому; Еврипида — по И. Анненскому. И это надолго оставляет в нас впечатление, что Эсхил — великолепен, выпретен и тяжеловесен, Софокл — интеллигентски умен и адвокатски красноречив, а Еврипид — болезненно утончен и декадентски манерен¹. Так написал в 1972 году современный исследователь, представляя свой и общий опыт в сложившихся формах культурной данности, называемой «русским Эсхилом», «русским Софоклом» или «русским Еврипидом». И тут дело даже не в абсолютной верности подлиннику (которая, кстати сказать, вещь едва ли возможная и всегда различно понимаемая², точнее, исторически зависимая), ибо, с одной стороны, существует ведь «русский Гомер», вне зависимости от того, нравится тому или иному филологу перевод Гнедича и Жуковского или не нравится (и филолог, может быть, безусловно прав), а с другой стороны, не стали же, например, переводы Мережковского «русским Еврипидом», а переводы Анненского стали. И не только же в количестве переведенного тут дело. Так или иначе, культурная традиция признает «русским Еврипидом» именно переводы Анненского, а «русским Эсхилом» переводы Вяч. Иванова, хотя существует полный перевод Эсхила, выполненный С. Аптом (как и перевод «Фауста» — Фетом). При начале этой традиции, как тому и полагается быть, стоит легенда.

¹ Гаспаров М. Л. Начало «Ифигении в Тавриде» Еврипида // Античность и современность. М., 1972. С. 269. Ср.: «Эсхил был могуч и величав, Софокл мудр и гармоничен, Еврипид изыскан и страстен. К русскому читателю они пришли поздно: в начале XX века. Трех классикам повезло на трех переводчиков: два поэта-филолога и один филолог-поэт нечаянно сумели сделать эту разницу стилей еще выпуклее. Эсхил у Вячеслава Иванова стал архаичен и таинственен, как пророк; Софокл у Фаддея Зелинского — складен и доходчив, как адвокат; Еврипид у Иннокентия Анненского — томен и болезнен, как салонный декадент. Такими они и запомнились современному русскому читателю» (Гаспаров М. Л. Предисловие переводчика к «Электре» Еврипида // Литературная учеба. 1994. № 2. С. 161).

² Ср. точку зрения на это самого Анненского в статье «Художественный идеализм Гоголя» (1902) и выводы, которые можно сделать отсюда для обоснования переводов: «Вещественная сторона поэзии остается неизменной, идеальная, наоборот, осуждена на вечное изменение и в пространстве и во времени» (цит. по: Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 218).

В мемуарах московского издателя Михаила Васильевича Сабашникова есть рассказ о предыстории печатания полного Эсхила, Софокла и Еврипида в десятые годы прошлого века: «Как мне рассказал Ф. Ф. Зелинский, три друга (sic!), филологи-поэты — он сам, Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский, — дали когда-то друг другу слово перевести трех греческих трагиков: Эсхила — В. И. Иванов, Софокла — Ф. Ф. Зелинский, а Еврипида — Иннокентий Анненский <...>»³. Совершенно очевидно, что «сюжет» этой «клятвы», имеющий уже явно культурно-мифологический характер, принадлежит не Ф. Зелинскому, известному русскому античнику, а скорее, самому мемуаристу. Все, кто хоть сколько-нибудь знаком с биографией Анненского, знает, что переводы свои он задумал еще в 1892 году, будучи в то время директором гимназии Павла Галагана в Киеве, а с 1894 года (отдельное издание перевода «Вакханок») печатал их в «Журнале Министрства народного просвещения» («Финикиянки» в журнале «Мир Божий»); с Вячеславом же Ивановым познакомился лишь в год смерти, в 1909 году⁴. Вообще дружба Анненского с Вяч. Ивановым является плодом какого-то недоразумения или позднейшей «домашней» легенды. Да и с Зелинским он ближе сошелся лишь в последние годы, в период когда оба преподавали на Высших женских курсах Н. Раева, в 1908 году. Ни в воспоминаниях сына поэта, ни в некрологах «классических» коллег Анненского, ни в бумагах и письмах, содержащих частные приглашения или впечатления от встреч, нет никаких упоминаний об их более или менее близких отношениях⁵. Их «дружба» тоже по большей части основана была скорее на посмертных воспоминаниях Зелинского об Анненском в журнале «Аполлон» (1910. № 4) и предисловии к первому тому издаваемого им сабашниковского Еврипида.

Иннокентий Федорович Анненский (1855–1909) — один из лучших русских поэтов и литературных критиков конца XIX — первого десятилетия XX века — был и одним из образованнейших эллинистов в России того времени. На историко-филологическом факультете Петербургского университета Анненский занимался классической филологией, хотя круг его интересов уже тогда далеко пре-

³ Сабашников М. В. Воспоминания. М., 1983. С. 292.

⁴ Познакомил их К. Маковский, и первая встреча произошла 22 мая 1909 года, судя по телеграмме Маковского в Царское Село, датированной 19 мая: «Можно ли приехать к вам с Вячеславом Ивановым <в> пятницу двухчасовым поездом <?> Привет. Маковский» (РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 2), и его письму, датированному средой, 20 мая: «Иннокентий Федорович, итак — в пятницу мы будем в Вашем гостеприимном доме на Захаржевской. Я предвижу интересный обмен идей с В. Ивановым. Как Вы полагаете? Мне бы очень хотелось, чтобы Вы очаровали и его, как всех будущих «аполлонистов»» (Там же. Л. 8–9). Выражение «и его» свидетельствует о том, что речь идет именно о первой встрече.

⁵ Так, находившийся в дружеских отношениях с поэтом Б. В. Варнеке в своих воспоминаниях «И. Ф. Анненский» отмечает, что на царскосельских чтениях в его доме «почетными гостями <...> бывали профессора Ф. Ф. Зелинский, П. П. Митрофанов, акад. Ф. Е. Корш <...>» (Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1981. Л., 1983. С. 74). Едва ли из сказанного можно заключить об их близости.

восходил выбранную специальность: он изучал историю языков под руководством проф. В. И. Ламанского⁶, историю фольклора и литератур, не ограничиваясь только славянскими. Был одним из лучших знатоков французской поэзии в России. После выхода из университета преподавал древние языки в гимназии Бычкова (позднее Гуревича) и русский язык в Павловском институте, а затем историю языка на Высших Бестужевских курсах. Два последних года Анненский читал на Высших женских курсах Н. Раева историю греческой литературы⁷ (в первый год — драму, во второй — эпос), в частности, в 1908 году читал курс по греческой драме и Эсхилу (Ф. Ф. Зелинский преподавал параллельно с ним на тех же курсах греческий театр и Софокла). Круг научных интересов Анненского в классической филологии включал в себя и Гомера, которым он много занимался⁸, и историка Геродота, о приемах творчества которого собирался написать исследование, и позднего греческого поэта Ликофрона⁹, и греческую философию, очерк которой дал в книге отрывков из «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта¹⁰, и Платона, которого намеревался перевести, вероятно, не удовлетворившись переводами Владимира Соловьева, и комического поэта Аристофана (в РГАЛИ имеются заметки к статье о нем), и Горация, три оды которого пере-

⁶ Четыре года спустя, по выходе из университета, Анненский написал статью «Из наблюдений над языком и поэзией Русского Севера», напечатанную в «Сборнике статей по славяноведению» в честь В. И. Ламанского. К изучению языка народной поэзии он собирался вернуться и в последние годы своей жизни. В сферу его филологических интересов входили такие темы, как, например, «Солдатские записки народных чтений» (Педагогический сборник. 1899. Сент.); он также собрал обширный материал для словаря русских былин (РГАЛИ).

⁷ После его смерти это место занимал Вячеслав Иванов.

⁸ Ср.: «Кроме Еврипида, И. Ф. Анненский много и усердно занимался Гомером, что пригодилось ему для составленной по поручению Академии наук рецензии на переводы «Илиады» Минского. Работа эта осталась неопубликованной, а там, по словам автора, был дан им примерный перевод целого ряда отрывков из «Илиады»» (*Варнеке* Б. И. Ф. Анненский. Некролог // Журнал Мининистерства народного просвещения. 1910. Ч. XXVI. 1910. С. 41). Рецензия Анненского на перевод Гомера Н. Минским была опубликована в «Филологическом обозрении» (1896. Т. XI. Кн. 1); может быть, Варнеке имеет в виду более распространенную версию этой рецензии, однако таковой в архиве Анненского не нашлось.

⁹ См. его статью «Из наблюдений над языком Ликофрона: О начальном звукоподобии» (*Commentationes philologicae*: Сб. статей в честь Ивана Васильевича Помяловского. СПб., 1897). Интересно замечание по поводу этой работы и вообще по поводу увлечения Анненского Ликофроном в некрологе Б. Варнеке: «Очень интересна статья <Анненского> о Бальмонте <...>. Теперь <...> я неожиданно нахожу какую-то внутреннюю связь этого этюда о современном из современников с ученой статьей о Ликофроне и начинаю верить возможности, что И. Ф. Анненский подходил к Ликофрону с чувствами и запросами, возбужденными стихами Бальмонта, а Бальмонта ценил за то, что гораздо более было по сердцу древним схолиастам, чем нам» (*Варнеке* Б. Указ. соч. С. 44).

¹⁰ *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе в избранных отрывках / Объяснил И. Ф. Анненский. СПб., 1896. Ч. 1, 2 (два других издания: 1900 и 1909).

вел¹¹, и таких греческих поэтов, как Симонид Кеосский и Вакхилид, из которых тоже переведил¹², и римского поэта Катулла (заметки о языке Катулла см. в РГАЛИ), и др. «Его интересов и занятий, — писал в некрологе Б. Варнеке, — легко хватило бы для того, чтобы без остатка заполнить внутренний мир нескольких людей, и эта довольно прихотливая смесь совсем не подходящих и не вытекавших друг из друга духовных запросов обнаруживает прежде всего необычайное, если так можно выразиться, духовное гостеприимство почившего»¹³.

Однако настоящей, до конца жизни любовью Анненского стал только Еврипид, младший из триады великих греческих трагиков. «Еврипида он знал лучше, чем кто-либо другой в России, и не только его текст, но и огромную литературу, ему посвященную, занимавшую не один шкаф в его вместительной и богатой библиотеке»¹⁴. Любовь к Еврипиду современники Анненского равняли с его увлечением модернистами: «Особенно близка была ему <...> та поэзия, которая практиковала, если можно так выразиться, культ слова; так-то естественная необходимость, вытекавшая из всей его филологической природы, заставила И. Ф. отдаваться модернизму. <...> Очень вероятно, что именно эта потребность сблизилась с Еврипидом, этим модернистом среди греческих поэтов <...>»¹⁵.

Не знаю, насколько прав М. Л. Гаспаров, который утверждает (не на основании ли 3, 9 и 10 строк «Третьего мучительного сонета» и особого мнения на этот счет Максимилиана Волошина?), что «все его собственные стихи, которыми мы так любуемся, были писаны лишь для отвода души в промежутках работы над Еврипидом»¹⁶, но оценка подвига Анненского дана им совершенно точно («Повторить такой подвиг было некому»)¹⁷, и так же точно отражает она распространенное уже среди современников поэта мнение о том, что Еврипид был главным делом его жизни — мнение, от него самого идущее и подтвержденное более чем двадцатилетним упорным трудом над переводами греческого трагика и исследованиями о нем. «Недаром судьбе угодно было отозвать его в лучший мир среди мыслей о предстоящем докладе все про того же Еврипида. Как солдат на посту, наш переводчик Еврипида умер, не выпуская из рук своего заветного оружия»¹⁸.

Замысел Анненского перевести Еврипида восходит еще к периоду преподавания и неудачного директорствования в киевской гимназии Павла Галагана (1891–1893), а может быть, и к первому, петербургскому, еще до киевского. Сын поэта

¹¹ См. также его «Разбор стихотворного перевода лирических стихотворений Го-рация П. Ф. Порфинова» (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1904. Т. LXXVIII. № 1. С. 127–180).

¹² *Симонид Кеосский*. Когда кругом искусного ларца; *Вакхилид*. Фесей, или Юные жертвы // Эллинская культура / В изложении Фр. Баумгартена, Фр. Поланда, Рих. Вагнера. СПб., 1906. Вып. V.

¹³ *Варнеке Б.* Указ. соч. С. 46.

¹⁴ Там же. С. 40.

¹⁵ *Зелинский Ф.* Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик // Аполлон. 1910. № 4. С. 5–6.

¹⁶ *Гаспаров М. Л.* Предисловие переводчика к «Электре» Еврипида. С. 161.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Варнеке Б.* Указ. соч. С. 38–39.

В. Кривич свидетельствует о том, что «короткий киевский период дает важную дату в его научно-литературном формуляре: насколько помню я, именно в Киеве был начат «Театр Еврипида»¹⁹. Речь идет, скорее всего, даже не о замысле, а о начале работы над переводами. По крайней мере, где-то к 1892 году он начинает переводить «Вакханок», которые вышли два года спустя, в 1894 году отдельным изданием, напечатанным на его собственные средства в Петербурге²⁰, куда Анненский переезжает из Киева в качестве директора 8-й Петербургской гимназии. Откликов на это издание было немного (чего, собственно, и следовало ожидать: книга имела в глазах критиков сугубо специальный интерес)²¹, однако оценка в общем была положительной: «С удовольствием поэтому приветствуем труд г. Анненского, бесспорно принадлежащий к числу наилучших переводов, какие только имеются на русском языке», — писал в рецензии на «Вакханок» Б. Некрасов²². Впоследствии Б. В. Варнеке напишет о переводе «Вакханок» как о «совершенно напрасно не удостоенном той академической премии, на которую он был представлен»²³. По-видимому, объясняется это другими оценками, в печать не попавшими. В том же 1894 году выпустил свой прозаический перевод «Вакханок» и Ф. Ф. Зелинский (Приложение к VII тому «Филологического обозрения»). Позднее Зелинский, печатая эту трагедию в переводе Анненского, отредактированном им для первого тома сабашиниковского «Театра Еврипида», вспомнит этот эпизод и снабдит его своим комментарием: «Их («Вакханок». — В. Г.) И. Ф. еще в 1894 г. выпустил отдельной книгой — это был его первый опыт по переводу

¹⁹ Кривич В. Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам // Литературная мысль. Л., 1925. Вып. III. С. 250–251. Ср. замечание о том, что последними тринадцатью годами царскосельского периода в жизни Анненского «отмечен и «Театр Еврипида» в других мемуарах Кривича «Об Иннокентии Анненском. Страницы и строки воспоминаний сына» (Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях. С. 108). В. Кривич имел в виду, скорее всего, все написанное и напечатанное из Еврипида с 1896-го по 1909 год, т. е. большинство переводов и статей, как и начало публикации трехтомного Еврипида в «Просвещении».

²⁰ *Вакханки*. Трагедия Эврипида / Стихотворный перевод с соблюдением метров подлинника, в сопровождении греческого текста и три экскурса для освещения трагедии, со стороны литературной, мифологической и психической, Иннокентия Анненского, директора 8-й С.-Петербургской гимназии. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894. С + 172 с.

²¹ Скорная рецензия без подписи в «Северном вестнике» (1894. № 12), большая и обстоятельная рецензия Б. Некрасова в «Филологическом обозрении» (1895. Т. VIII. Кн. 2. С. 177–189) и небольшая рецензия без подписи в «Ежемесячных литературных приложениях к журналу «Нива»» (1895. Январь).

²² *Филологическое обозрение*. 1895. Т. VIII. Кн. 2. С. 177.

²³ Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях. С. 73. Ср. его отзыв о «Вакханках», относящийся к 1901 году: «В 1894 г. И. Ф. Анненский издал книгу, которой было суждено стать краеугольным камнем того величественного и знаменательного для истории русского театра здания, при завершении которого мы теперь присутствуем» (-р- [Б. Варнеке]. «Меланиппа-философ». Трагедия Иннокентия Анненского // Филологическое обозрение. 1901. Т. XX. Кн. 2. С. 88).

Еврипида, и он вызвал суровую критику акад. П. В. Никитина. Он был крайне раздражен этой критикой, и я, одинаково уважая обоих выдающихся эллинистов, избегал заводить с ним разговор о ней. Тем приятнее было мое удивление, когда он, уже в последние годы своей жизни, сам однажды о ней заговорил, признал ее основательность и выразил намерение подвергнуть свой перевод коренной переработке»²⁴.

Ко времени, когда Анненский начал работать над переводом «Вакханок», существовало уже хотя и не столь обширное, но и не малое количество переводов трагедий Еврипида²⁵. На перевод «Ипполита», выполненный Д. Мережковским и вышедший в 1893 году, Анненский сразу же написал рецензию в «Филологическом обозрении»²⁶. Насколько переводы эти отличались от того, что мы видим у Анненского, я хотел бы показать всего на нескольких примерах. Возьму для сравнения два места из «Гипполита венценосца» Н. Котелова (1879) и «Ипполита» Анненского. Вот хор охотников, спутников Ипполита, из второго явления в котеловском переводе:

О досточтимое
Зевеса поколение,
Приветствуем тебя,
Дочь Зевса и Латоны,
Что всех прекрасней дев,
Что на обширном небе
Живешь в дворце отца,
В жилище многозлатном.

²⁴ *Театр Еврипида*. М., 1916. Т. I. С. VII—VIII.

²⁵ Не считая фрагментов, можно назвать следующие: *Водовозов В. И.* Ифигения в Авлиде (стихотворный перевод) // *Переводы в стихах и оригинальные стихотворения В. И. Водовозова*. СПб., 1888 (перепечатка из «Русской христоматии» Филонова. Ч. 3); *Шестаков П. Д.* 1) Медея (стихотворный перевод) // *Учен. зап. Казанского ун-та*. 1863. № 1; 2) Гипполит, несущий венюк (стихотворный перевод) // Там же. 1871; 3) Троянки (стихотворный перевод) // Там же. 1876 (отд. изд.: Казань, 1876); *Басистов П.* Ифигения в Тавриде (перевод в прозе). СПб., 1876; *Тихонович П. В.* 1) Медея (перевод в прозе) // ЖМНП. 1878. № 5; 2) Ифигения в Авлиде (перевод в прозе) // ЖМНП. 1881. № 7; *Котелов Н.* 1) Андромаха (стихотворный перевод) // ЖМНП. 1879. № 1 (отд. изд.: СПб., 1883); 2) Гипполит венценосец (стихотворный перевод) // ЖМНП. 1879. № 8 (отд. изд.: СПб., 1883); *Конончук П.* Вакханки (перевод в прозе). Киев, 1880; *Чуйко В.* Ион. Медея. Орест. Эврипид. *Трагедии*. СПб., 1883; *Пукарев А.* Вакханки (стихотворный перевод) // ЖМНП. 1885. № 7, 8; *Аппельрот В. Г.* Гераклиды. М., 1890; *Шнейдер Е.* 1) Медея // *Пантеон литературы*. 1888. № 3, 4; 2) Ипполит. М., 1889; 3) Альцеста. М., 1890; *Алексеев В.* 1) Медея (перевод в прозе). СПб., 1889; 2) Ифигения в Авлиде (перевод в прозе). М., 1890; 3) Ифигения в Тавриде (перевод в прозе). М., 1890; 4) Гипполит (перевод в прозе). М., 1890; 5) Вакханки (перевод в прозе). М., 1892; 6) Алкестиды (перевод в прозе). М., 1890; 7) Ион (перевод в прозе). М., 1890; 8) Неистовый Геракл (перевод в прозе). М., 1892.

²⁶ *Филологическое обозрение*. 1893. Кн. 2. С. 183—192.

А вот то же место у Анненского:

Дева владычица,
Радуйся, сильная
Зевсова дочь!
Чада Латои нет
В мире прекраснее.
О, Артемида, нам
Нет и милее тебя:
В златом украшенных
Залах отца богов
Сколько чарующих,
Сколько небесных дев.
Ты между них одна
Девственно чистая,
Солнца отраднее
Ты, Артемида, нам.

Первый монолог кормилицы из пятого явления в переводе Котелова:

О страдания, болезни жестокие!
Я не знаю, что делать с тобой?
Вот и свет, вот и воздух, но скоро
Поспесишь ты, соскучась, домой.

Постоянно в желаньях меняешься.
Не на радость тебе ясный свет...
Что так близко, того ты чуждаешься,
И приятней тебе, чего нет.

У Анненского:

К о р м и л и ц а
(заметно утомленная возней и тревогой)

(К хору.)

О, слабость людская, о, злые недуги!
Что делать я буду? Чего мне не делать, скажите?

(К Федре.)

И светлое солнце, и чистое небо,
Дитя, над твоею недужной постелью...
Ты воли просила:
«На воздух несите», рабыням твердила.
Минута, — и спальня нам будет милее.
Желанья, что волны. Что тень, твоя радость.

Что есть надоело, не мило, — а если
Чего мы не видим, душа загорелась:
Скорее, скорее.

Главное отличие этих переводов (опуская вопрос о верности подлиннику) — это то, что стилистически между ними лежит столетие. Интонации котеловского стиха приближаются то к прозе чиновничьего обращения, то пытаются воспроизвести архаику гомеровской декламации, то неожиданно сбиваются на городской романс, подержанный привычной рифмовкой. В основе этого перевода лежит второстепенная литература 40–70-х годов XIX века. У Анненского уже совсем другое ощущение слова, основанное на тонких психологических градациях и нюансах, на выражении эмоции-мысли, нигде не впадающей в готовый шаблон уже устоявшейся интонации. Все это очерчено тонким пером, без пустот или грубых нажимов. Психологичность и ориентация на новое восприятие всего заметнее в переводе Анненского.

Первому переводу Анненского («Вакханки») предшествовал стихотворный перевод этой трагедии А. Пукарева (1885), с небольшим образцом которого у меня есть большое искушение познакомить читателя. Это хор вакханок из третьего ста-сима (№ 4, как помечает его автор перевода), и звучит он следующим образом:

Темной ночью меж горами
Нам удастся поплясать:
Радость вечно будет с нами
И веселья благодать!

Беззаветные менады
С ланью схожи: как она,
Избежав лихой засады,
Мчится по полю одна!

Ловко, в резвости удалой,
Миновала ряд сетей, —
Тут охотник запоздало
Свору гонит вслед за ней!..

В этом переводе все безнадежно устарело уже в момент написания: лексика не просто затерта, а порой и неуместна, интонация почти не воспринимается, ибо четырехстопный хорей, подозрительно напоминая «То как путник запоздалый...», кажется отделенным от стиха, как будто он существует сам по себе. Иногда при чтении этого перевода бывает трудно отказать от мысли, что в самом стихе присутствуют какие-то элементы пародии, причем пародируется некий не слишком удачный текст. Кроме того, совершенно неуместной кажется рифма. У Анненского это звучит совсем иначе:

Милая ночь, придешь ли?
Вакху всю я тебя отдам,
Пляске — белые ноги,
Шею — росе студеной.

Лань молодая усладе
 Луга зеленого рада.
 Вот из облавы вырвалась,
 Сеть миновала крепкую.
 Свистом охотник пускай теперь
 Гончих за ланью шлет.

Уже в первом переводе из Еврипида сказывается стремление Анненского к передаче «новой чувствительности», к принципам нового стиха, о которых позднее он так много будет писать и которые отразились в его собственной поэзии.

В дальнейшем Анненский публиковал свои переводы и объяснительные статьи к ним в периодической печати: по большей части в «Журнале Министерства народного просвещения» (см. библиографию). Эти работы получили очень незначительный отклик в печати, если не считать упоминаний в обзорах журнальной продукции, появляющихся в «Филологическом обозрении» и в основном констатирующих факт напечатания с кратким изложением «о чем говорится»²⁷. В большой статье Ф. Зелинского «Ифигения», посвященной постановке «Ифигении-жертвы» в переводе Анненского (опубликован в 1898 году) на сцене Александринского театра ни сам поэт, ни его перевод, ни напечатанная вместе с переводом статья «Посмертная “Ифигения” Еврипида» не упоминаются, кроме как в виде косвенного несогласия с названием трагедии Еврипида: «С “Ифигенией Авлидской”, как ее называли древние, в отличие от “Ифигении Таврической” того же поэта (или с “Ифигенией-жертвой”, как ее назвал наш талантливый переводчик, в отличие от “Ифигении-жрицы”)²⁸. Правда, упоминания о переводах Анненского из Еврипида можно найти в рецензиях, посвященных его оригинальным драмам на мотивы утраченных пьес греческого трагика, которые Анненский начал издавать с 1901 года («Меланиппа-философ», «Царь Иксион», «Лаодамия»). Со временем его имя все определеннее начинает укладываться в формулу «известный переводчик трагедий Еврипида»²⁹; вероятно, оценка этих переводов вполне определялась в сознании русской читающей публики таким, например, газетным клише: «Г. Анненский уже давно приобрел славу весьма талантливого переводчика Еврипида, выпустив в свет по-русски следующие произведения великого трагика: Реса, Ифигению-жертву, Финикиянок, Вакханок, Электру, Геракла, Алькесту, Ореста, Ипполита» (пространная рецензия за подписью N на «Меланиппу-философа»)³⁰.

В январе 1902 года в журнале «Мир Божий» в рецензии на оригинальную трагедию Анненского «Меланиппа-философ» скрывшийся под инициалами А. Б. редактор журнала Ангел Иванович Богданович сделал объявление, несколько

²⁷ Среди рецензий на переводы Анненского можно назвать следующие: рецензию Г. Зоргенфрея на перевод «Ипполита» (Литературный вестник. 1902. № 7); рецензию Сергея фон Штейна на лекцию Анненского «Античная трагедия», напечатанную в «Мире Божием» (Исторический вестник. 1904. Т. ХCV. С. 334–336).

²⁸ Зелинский Ф. «Ифигения» // Северный курьер. 1900. 16(29) марта. № 3. С. 2.

²⁹ Московские ведомости. 1901. 12 дек. № 342.

³⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 5(18) июня. № 150.

неожиданное не только для читателей, но, пожалуй, и для самого автора, о котором говорится буквально следующее: «Ин. Ф. Анненский, пользующийся уже почетною известностью в литературе, как автор *капитального труда* (курсив мой. — В. Г.) по переводу, в стихах и размером подлинника, *всех* (курсив А. И. Богдановича. — В. Г.) трагедий Эврипида...»³¹. Рецензент был связан со старшим братом Иннокентия Федоровича Анненского, Николаем Федоровичем, не только работой в одном журнале, но и родственными отношениями. Сведения, попавшие в рецензию, не соответствуя фактам, представляли собой, по-видимому, отголоски семейных разговоров, дошедших в таком виде до автора рецензии из вторых рук³². Как бы то ни было, планы издания полного Эврипида, и уже не как дело будущего, а, скорее всего, как реальная возможность, могли обсуждаться Анненским в это время.

В РГАЛИ хранится автограф одного из первоначальных планов этого издания, составленных Анненским еще до того, как «Просвещение» согласилось печатать «Театр Эврипида», т. е. до 1905 года: «<л. 1> Театр Эврипида. Полное собрание пьес, украшенных именем Эврипида. В стихотворном переводе с греческого, с объяснительными статьями, примечаниями, прозаическим переводом отрывков и утраченных пьес и общим указателем И. Ф. Анненского». <л. 2>: «т. I. <Античная трагедия>; *Еврипид и его время* — 70 лл.; *Рес*, статья — 77 лл.; *Алькеста*, статья — 23 лл.; *Ипполит*, статья — 87 лл.; *Медея*, статья — 90 лл.; *Геракл*, статья — 97 лл.; *Гекуба*, статья — 90 лл.». <л. 3>: «т. II *Гераклиды*, статья; *Молящие матери*, статья; *Андромаха*, статья; *Ион*, статья; *Елена*, статья; *Ифигения жрица*, статья; *Троянки*, статья; т. III *Электра*, статья; *Орест*, статья; *Финикиянки*, статья; *Вакханки*, статья; *Ифигения жрица*, статья; *Киклоп*, статья; *Фрагменты*; *Указатель*»³³.

Трудно с точностью определить, когда составлялся этот план. Он существенно отличается от окончательного расположения трагедий и статей в вышедшем в 1906 году первом томе: во-первых, в нем еще значится приписываемая Эврипиду трагедия «Рес» и статья к ней, напечатанные в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1896 году. Кроме того, вместо «Иона» и «Киклопа» (попавших в первый том) Анненский намеревался напечатать «Гекубу». Скорее всего, этот план отражает первоначальное намерение Анненского положить в основу распределения пьес по томам хронологический принцип (от чего он частично отказался в позднейшем издании). Что касается «Киклопа», то уже в мае 1905 года

³¹ Богданович А. «Меланиппа-философ». Трагедия Иннокентия Анненского. СПб., 1901 г. [Рец.] // Мир Божий. 1902. № 1. С. 76.

³² Ср. в воспоминаниях Б. В. Варнеке описание частых царскосельских чтений Анненского, на которые он приглашал к себе гостей: «На этих чтениях не появлялись ни Николай Федорович, ни близкие ему члены семьи критика “Мира Божиего” Ангела Ивановича Богдановича. Он сам с семьей часто бывал у И. Ф., точно так же, как и Ф. Д. Батюшков <...>. Благодаря им сам И. Ф. и напечатал в “Мире Божием” сперва свой перевод “Финикиянок” Эврипида, а затем свою публичную лекцию об античной трагедии» (Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях. С. 74).

³³ РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 77.

Анненский предполагал поместить его в первом томе (см. письмо к Е. М. Мухиной ниже) — намерение, скорее всего, восходящее к еще более раннему времени, так как к маю он уже закончил и перевод и статью к этой драме.

Колебался Анненский в своем первоначальном наброске и в выборе вступительных статей; их было две: «Античная трагедия»³⁴ и «Еврипид и его время». Количество листов, которое он отмечает для каждой трагедии и статьи к ней, но только в первом томе (вероятно, свидетельство того, что, составляя этот план, он имел в виду конкретное издание, требующее немедленных подсчетов именно к первому тому) совпадает с количеством печатных страниц в уже опубликованных в «Журнале Министерства народного просвещения» и «Мире Божиим» переводах и статьях (ср. библиографию). Ошибки в расчете листов касаются «Медеи», вышедшей в 1903 году, и «Гекубы», еще нигде не печатавшейся. Может ли это означать, что план составлялся до 1903 года? И, таким образом, фактическая ошибка рецензента, уже считавшего Анненского автором вышедшего полного Еврипида, могла иметь под собой основания? Тем более что разговор о полном Еврипиде, т. е. о печатании книги, все более и более становится, по-видимому, предметом обсуждения в кругу Анненского, в связи с чем различные корреспонденты поэта торопят его с работой и настаивают на том, что издание Еврипида — его единственный долг. Так, Б. Варнеке в письме, датируемом, скорее всего, 1904 годом (судя по ответам на запросы Анненского о материалах к биографии Е. П. Кадминой в связи с работой над статьей о тургеневской «Кларе Милич», законченной в 1905 году), писал: «Это единственный Ваш серьезный долг. Клара Милич сама за себя постоит, а вот за Еврипида кроме Вас никто не замолвит настоящего слова и грешно этим не пользоваться. Иные Музы обвинят Вас в ренегатстве, а на них одних и стоит обращать внимание. <...> Еще раз спасибо за стихи и, пожалуйста, поскорей вернитесь к Еврипиду. Этим Вы обрадуете Вашего Б. Варнеке»³⁵. Одной из своих корреспонденток, Е. М. Мухиной, Анненский отвечает, предваряя ее, вероятно, превратившийся в постоянный вопрос: «Я слов-

³⁴ «Античную трагедию» Анненский впервые прочел как публичную лекцию в 1901 году, затем она была напечатана в журнале «Мир Божий». В рецензии на это издание Сергей фон Штейн писал: «Осенью 1901 года "кружком любителей художественного чтения и музыки" был задуман ряд публичных лекций по драматической литературе. Принять участие в чтении согласились профессор Ф. Д. Батюшков, приват-доцент Б. В. Варнеке, П. И. Вейнберг, П. Я. Деляров, профессор Ф. Ф. Зелинский и многие другие, но намерение это почему-то не осуществилось, и из цикла задуманных лекций состоялась лишь одна — г. Анненского об античной трагедии. Напечатанная первоначально в ноябрьской книжке журнала "Мир Божий" за 1902 год, работа г. Анненского ныне вышла отдельным изданием: она заслуживает особого внимания еще потому, что г. Анненский — автор превосходных и справедливо пользующихся широкой известностью переводов из эллинских драматических писателей» (Исторический вестник. 1904. Т. ХСV. С. 335). К этому можно добавить воспоминания Б. Варнеке, одного из участников несостоявшегося цикла лекций, о чтении Анненского: «<...> публичная лекция "Античная трагедия", прочитанная в Петербурге постом 1902 г. при незаслуженно малом числе слушателей <...>» (Варнеке Б. Указ. соч. С. 40).

³⁵ РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 21–21об.

но вижу, сударыня, что Вы <...> упрекаете меня в несказанном безделье... “Он ведь обещал мне работать...” Но нет, милостивая государыня, Еврипид продолжает двигаться понемножку <...>»³⁶.

Впервые, однако, конкретный разговор о выпуске полного Еврипида следует отнести к лету 1905 года. Свидетельство этому оставил сам Анненский в письме к Е. М. Мухиной от 5 июня 1905 года: «Пишу понемножку и все Еврипида, все Еврипида, ничего кроме Еврипида. Огромную написал статью о сатиrowsкой драме (имеется в виду «Киклоп и драма сатиров», вошедшая в первый том. — В. Г.), и теперь I том может хоть завтра идти в печать. Между тем к издателю, — а такой нашелся с первого абцуга, — я еще не собрался и съездить, — больше двух недель, что я ни шагу из дому, — и все полеживаю»³⁷. Судя по письму, сам проект печатания полного Еврипида не является чем-то новым для корреспондентки Анненского, а вот конкретное издательство, которое он нашел для своих переводов, — новость, причем новость не более как трехнедельной давности.

Через месяц, 14 июля, в письме к А. В. Бородиной, он сообщает эту новость уже с гораздо большими подробностями: «Есть, однако, у меня и хорошая новость. Я нашел издателя для Еврипида, и с августа мы приступаем к печатанию. Издает Т<оварищ>во “Просвещение” на очень скромных условиях: их печатание и распространение, расходы по которым и уплачиваются прежде всего, — все остальное делится пополам. Нет опасности, чтобы Еврипид прославил меня, но еще меньше, кажется, может быть опасения, что он развратит меня приливом богатства...»³⁸.

³⁶ Анненский И. Книги отражений. С. 460 (пер. с фр.).

³⁷ Там же. С. 458–459.

³⁸ Там же. С. 461. Среди бумаг Анненского (РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 360) имеются письма к нему секретаря издательства «Просвещение» Л. Лурье, в одном из которых (от 17 ноября 1906 года) оговорены условия печатания: «Многоуважаемый Иннокентий Федорович. Так как в настоящее время мы заканчиваем уже печатанием I-й том “Театра Еврипида”, то считаем нужным подтвердить те условия, на каких мы согласились принять участие в этом издании. 1) Мы принимаем на себя все расходы (набор, печать, бумага, брошюровка и т. п.) по изданию 3-х томов Вашего труда (“Театра Еврипида”). Вы обязуетесь доставлять нам рукопись для набора в совершенно подготовленном к печати виде, так, чтобы авторская корректура (правка ее) не занимала типографии больше 5 часов на каждый печатный лист в 40.000 букв. 2) Цена книги определяется с обоюдного нашего согласия. 3) По отпечатании каждого тома все количество отпечатанных экземпляров поступает на склад со скидкой 50% с номинальной цены. 4) Деньги, вырученные от продажи книг, идут на покрытие наших расходов по этому изданию; прибыль, имеющая получиться по погашении всех расходов, делится между нами и Вами поровну. 5) Настоящие условия имеют силу в течение 5-ти лет со дня поступления каждого тома к нам на склад, после нового срока между нами должно быть заключено новое соглашение. Покорнейше просим Вас, многоуважаемый Иннокентий Федорович, подтвердить нам Ваше согласие на все вышеуказанные условия. Примите уверения в глубоком уважении и искренней преданности. Л. Лурье» (Л. 4–4об.). По-видимому, между редакцией и Анненским (который, не прямо адресуясь в редакцию, выражал свое недоумение

Итак, давно задуманный Анненским труд по переводу всего Еврипида должен был теперь выйти в издательстве «Просвещение» в трех томах под общим названием «Театр Еврипида». Анненский надеялся, что в конце августа первый том начнет печататься (ср. в письме к А. В. Бородиной от 2 августа 1905 года: «Теперь привожу в порядок I том, который на днях начнет печататься»)³⁹. По всей видимости, издательство приступило к работе над составлением проекта будущих трех томов не ранее конца сентября 1905 года⁴⁰, причем неясно, сдал

через посредника, С. О. Цыбульского) возникло какое-то недоразумение, основанное на разочаровывающих Анненского финансовых подсчетах, ибо три дня спустя (20 ноября) Лурье отправил ему еще одно письмо с уточнениями договора: «Многоуважаемый Иннокентий Федорович. Степан Осипович Цыбульский, безусловно, ошибся в своем подсчете. Доказательством этому служит тот факт, что он ничего не возражал против дележа пополам между издательством и Вами имеющейся получиться от издания чистой прибыли, но говорил, что Вас, вероятно, будет смущать сравнительно высокий комиссионный процент. Ошибка же в его подсчете заключается в том, что он всю имеющуюся получить от издания чистую прибыль (1 рубль с кажд<ого> экземпляра) подсчитал в Вашу пользу. А между тем дележ пополам чистой прибыли является одним из тех основных условий, про которые шла речь как со Степаном Осиповичем, так и с Вами лично, и в начале наших переговоров об издании, и в самое последнее время. Точно так же, надеемся, нам удалось убедить и Вас, многоуважаемый Иннокентий Федорович, и Степана Осиповича, что мы решительно не имеем никакой возможности принять на склад издание со скидкой меньше, чем в 50%. Конечно, мы прекрасно понимаем, что гонорар, который Вы имеете получить по распродаже издания, ничтожен по сравнению с затраченными Вами трудами, но это объясняется тем, что самый характер издания, рассчитанного на ограниченный круг покупателей, заставил нас печатать его в небольшом количестве экземпляров, на которые и пришлось разложить те весьма значительные первоначальные расходы (набор, корректура), которые остаются неизменными, как бы мало или велико ни было количество печатающихся экземпляров. Но будем надеяться, что наше издание пойдет настолько хорошо, что в близком будущем потребует перепечатка его вторым изданием, и тогда, конечно, будут вознаграждены и Ваши труды, и наши затраты. Ответы на наши письма от 17 с<его> м<есяца> просим Вас адресовать на имя фирмы» (Л. 5–5об.).

³⁹ Анненский И. Книги отражений. С. 462.

⁴⁰ Ср. в письмах Л. Лурье от 19 сентября 1905 года: «Многоуважаемый Иннокентий Федорович, мы перед Вами бесконечно виноваты, что замедлили сообщением о смете будущего издания Вашего труда, — перевода сочинений> Еврипида. Причиной тому крайне спешный выпуск некоторых из наших изданий, лишивший нас возможности заняться составлением сметы для Вашего издания. Мы немедленно приступим к составлению этой сметы и надеемся, что не позже, как через неделю, сумеем доставить ее Вам» (РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 1) и от 29 сентября 1905 года: «Многоуважаемый Иннокентий Федорович, мы были бы крайне признательны, если бы Вы нашли возможность в бытность свою в Петербурге заглянуть и к нам. Мы набросали приблизительную смету, но для издания в малом формате. Так как Вы говорили, что Вам желательней было бы издать Ваш труд в 3 больших томах, то нам желательно было бы точно установить формат, выбрать шрифты и уж, сообразно с этим, составить окончательно смету» (Там же. Л. 2).

ли к этому времени сам Анненский материалы первого тома, хотя уже через год с небольшим он был напечатан. Анненский писал Е. М. Мухиной 16 декабря 1906 года: «Сегодня целый день сижу за бумагами... Вышел Еврипид... Вы любите Ибсена? <...>»⁴¹.

В критических отзывах на «Театр Еврипида» последний получил очень высокую оценку. «Перевод г. Анненского, несмотря на некоторые шероховатости языка, <...> должен быть признан одним из лучших переводов с греческого вообще»⁴². «Переводы г. Анненского отличаются двумя достоинствами: в них виден филолог, дорожающий каждой мыслью оригинала и в то же время далекий от рабского педантизма, и во-вторых, специалист, хорошо владеющий стихом»⁴³. «Это заставляет всех друзей античного мира приветствовать от всей души появление первого тома капитального труда И. Ф. Анненского, которому, несомненно, суждено занять выдающееся место в русской переводной литературе. <...> Говорить о достоинстве переводов было бы бесполезно: одни похвалы не передадут того впечатления, которое дает чтение любой сцены. Достаточно сказать, что они являются плодом самостоятельного труда над критикой текста и во всех отношениях превосходят подкрашенные фантазии Д. С. Мережковского, не раз заменявшего излишней смелостью недоступное ему умение понимать греческий текст»⁴⁴. Самый термин «русский Еврипид» вошел в культурный обиход тогда же, после выхода из печати первого тома «Театра Еврипида», и не Ф. Зелинский, а А. Горнфельд был первым, кто пустил в оборот это новое для русской культуры представление: «Русский “театр Еврипида” <...> представляет собою настоящее событие в нашей переводной литературе. <...> Как перевод, так и сопровождающие его объяснительные статьи сделаны не только с исчерпывающей основательностью широко образованного филолога, но и с литературной умелостью писателя, хорошо владеющего материалом и знающего тайны образного языка классической трагедии. Здесь, конечно, нет привлекательной легкости Д. С. Мережковского, но зато здесь больше подлинного Еврипида <...>»⁴⁵. Да и в статье Ф. Зелинского 1907 года⁴⁶, несмотря на оговорки, связанные с характером переводов, в частности которых «критик, как филолог, мог бы поспорить с переводчиком», книга эта оценена в высшей степени высоко: «В сущности, называя перевод И. Ф. художественным, мы этим самым называем его субъективным <...>. Душа у переводчика — тонкая, изящная, нежная; кто читал хотя бы его “Книгу отражений”, всецело посвященную эстетической критике произведений новой русской литературы, тот знает, что он всего менее — узкий специалист. <...> Стоит ли после этого говорить, насколько интересно “отражение” в этой душе такого нюансированного и прихотливого поэта, как Еврипид? <...> Я не могу критиковать Еврипида И. Ф. иначе, чем противо-

⁴¹ Анненский И. Книги отражений. С. 471.

⁴² Арк. Пр. «Театр Еврипида» // Речь. 1907. 5(18) апр. № 80. С. 5.

⁴³ Радциг С. «Театр Еврипида» // Критическое обозрение. 1907. Вып. 2. С. 46.

⁴⁴ Варнеке Б. «Театр Еврипида» // Гермес. 1907. № 1. С. 9–10.

⁴⁵ Горнфельд А. «Театр Еврипида» // Русское богатство. 1907. № 4. С. 118–119.

⁴⁶ Зелинский Ф. Еврипид в переводе И. Ф. Анненского // Перевал. 1907. № 11. С. 38–41; № 12. С. 40–46.

поставляя ему того, который отразился в моей собственной душе; то есть, разумеется, такого же субъективного»⁴⁷.

Отзывы эти должны были способствовать не только интенсивной работе Анненского над материалами второго тома, надежда на скорый выход которого была высказана почти всеми рецензентами, но и желанию самого издательства этот том выпустить в самое непродолжительное время. На деле обстоятельства складывались иначе. Уже в некоторых из упомянутых рецензий проскальзывает нота беспокойства, связанная с таким, казалось бы, третьестепенным предметом, как цена книги, причем беспокойство это высказано было как раз филологами-классиками: «В интересах науки и русской поэзии надо желать, чтобы труд И. Ф. Анненского нашел самое широкое распространение, поэтому прежде всего надо заботиться о его удешевлении. Наша публика еще не настолько любит античную поэзию, чтобы тратить на нее десятки рублей» (Б. Варнеке). «В заключение нельзя не сказать, что цена, назначенная за книгу, способна очень охладить интерес к изданию» (С. Радциг). Весьма возможно, что задержка с печатанием второго тома, которая в конечном итоге привела к полному прекращению публикации «Театра Еврипида» издательством «Просвещение», не в последнюю очередь была связана с дороговизной книги и, как следствие, с плохой ее распродаваемостью.

После выхода в свет первого тома «Театра Еврипида» в декабре 1906 года Анненский продолжает работать над материалами ко второму тому, уже летом предполагая, что печатание его можно будет начать в феврале 1908 года, о чем он и сообщал А. В. Бородиной в цитированном выше письме от 28 июля 1907 года. Там же он упоминает и только что законченный исторический очерк ко второму тому: «Мой исторический очерк, которого я так боялся, заканчиваю теперь перепискою, и, кажется, это лучшее, что я написал»⁴⁸. Недаром писать мне было так

⁴⁷ Цит. по: *Зелинский Ф.* Еврипид в переводе И. Ф. Анненского // *Зелинский Ф.* Из жизни идей. СПб., 1908. Изд. 2. С. 322.

⁴⁸ 6 августа 1908 года в письме к А. В. Бородиной, только что закончив «Таврическую жрицу у Еврипида, Руччелаи и Гете», он повторит те же слова: «Эта последняя работа, по-моему, лучшее, что я написал об Еврипиде. По крайней мере — таково покуда мое впечатление» (*Анненский И.* Книги отражений. С. 480). А перед тем, 23 июля 1908 года, в письме к Е. М. Мухиной: «Я не хочу говорить, над какой вещью Еврипида я работаю (имеется в виду «Таврическая жрица...» — *В. Г.*) и в каком именно смысле — из моего суеверия, которое Вы хорошо знаете. Но если я напишу мою вещь так, как теперь она мне представляется, это будет лучшее, что только когда-нибудь я мог от себя ожидать... А впрочем... может быть, выйдет и куда не годная дрянь...» (Там же. С. 479). Пояснение к такой, казалось бы, неустойчивости оценок можно найти в этом же письме, по поводу написанной им статьи «Художественная идеология Достоевского»: «Сам уже начинаю свои кристаллизовавшиеся мысли мучительно ненавидеть — но это, вероятно, потом сменится равнодушием» (Там же. С. 481). Это недовольство законченным текстом отражает особенность мышления Анненского, о которой он много раз писал (ср. письмо к Е. М. Мухиной от 16 декабря 1906 года — Там же. С. 471; от 17 октября 1908 года — Там же. С. 481–482; письмо к Т. А. Богданович от 6 февраля 1909 года — Там же. С. 485); когда мысль застывала в окончательный текст («кристаллизовалась»), она становилась мертвой и ненавистной (ср. стихотворение Анненского «Мухи-мысли»).

трудно и даже мучительно. Жалко только, что я связан с издателем и не могу (т. е. это было бы непорядочно) выпустить его отдельной книгой: он должен бы был пойти, и книга вышла бы в 10 печатных листов <...>⁴⁹. Через три месяца, в октябре 1907 года, в журнале «Гермес» была помещена последняя глава этой статьи под названием «Афинский национализм и зарождение идеи мирового гражданства» с примечанием автора «Из книги “Еврипид и его время”, готовящейся к печати». Является ли это примечание неточностью, и здесь имеется в виду «Театр Еврипида», или Анненский в самом деле решил напечатать статью отдельной книгой? Вряд ли за эти три месяца у него изменились представления о порядочности. Скорее всего, что-то произошло в отношениях между ним и редакцией издательства «Просвещение». Во всяком случае печатание второго тома, которое предполагалось начать зимой 1908 года⁵⁰, все время откладывалось по причинам, отчасти проясняемым в письме Л. Лурье, относящемся уже к концу июня 1909 года: «Многоуважаемый Иннокентий Федорович, хотя изданный нами I том Вашего “Театра Еврипида” расходитя до сих пор очень слабо, но, принимая во внимание недавний отзыв о нем Ученого Комитета Министерства народного просвещения, а также предполагая, что сбыт этого издания будет гораздо более благоприятным, когда оно будет совершенно закончено, мы согласны были бы приступить в настоящее время к изданию остальных двух томов на тех же условиях, на каких нами издан I том. В случае Вашего согласия, покорнейше просим Вас доставить нам рукопись II тома для набора»⁵¹. Таким образом, издательство до этого времени просто не предлагало Анненскому продолжить печатание «Театра Еврипида». Неясно, каковы были в связи с этим отношения между ним и издательством, но, скорее всего, второй том Анненский надеялся увидеть в самом начале 1910 года. «Дней за десять до смерти (т. е. в 20-х числах ноября 1909 года. — В. Г.), — вспоминал Б. Варнеке, — И. Ф. Анненский писал мне, что появление второго тома не за горами: ему нужно было недели две усидчивой работы над черновиками до завершения всего труда, и он надеялся, что на предстоящих Святках ему удастся создать себе необходимое для такой работы уединение»⁵². Об этом же писал в статье-некрологе Ф. Зелинский, знавший, по-видимому, от сына Анненского о состоянии еврипидовского наследия: «Замечу тут же, что этот памятник закончен <...>. Правда, в ту минуту, когда я пишу эти строки, только первый том (шесть драм) имеется в печати. Но в рукописи готов весь перевод, готовы и вступительные статьи; они вместе заполняют еще два тома, и наследник его прав и имени, конечно, сделает все от него зависящее, чтобы эти

⁴⁹ РНБ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 41–41об.

⁵⁰ Вероятно, узнав о том, что печатание книги откладывается, Анненский на какое-то время прекратил интенсивную работу над ней; весьма возможно, что к зиме 1908 года он возобновляет подготовку материалов ко второму тому, потому что в феврале этого года Б. Варнеке пишет ему: «Как всегда порадовало меня и известие о дальнейшем движении Еврипида. Хороших книг так мало выходит у нас за последнее время, а таких интересных, как Ваша, у нас я и не запомню» (РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 1).

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 6.

⁵² Варнеке Б. Указ. соч. С. 41.

два тома увидели свет и в наиболее скором времени, и при наилучших условиях. <...> И. Ф., вообще творивший быстро, предполагал еще раз просмотреть свои переводы, особенно старые, сличить их с подлинником, выровнять их с точки зрения стиля. “С декабря месяца я иду в затвор”, шутиливо говаривал покойный, когда к нему приставали по поводу продолжения его Еврипида. <...> Обидно думать, как был понят и исполнен судьбою этот шутиливый обет»⁵³.

Второй том «Театра Еврипида», как известно, не вышел. Анненский был слишком перегружен и занят работой в новом журнале «Аполлон», неожиданно обретенной известностью⁵⁴. Для Анненского начинается период, связанный с самой интенсивной работой: он преподает античную литературу на Высших женских курсах Н. Раева; состоит членом ученого комитета Министерства народного просвещения, что накладывало на него обязанность писать бесконечные рецензии на выходящую учебную литературу; продолжает быть инспектором Санкт-Петербургского учебного округа, — работа, требующая разъездов⁵⁵; читает рефераты в «Обществе классической филологии и педагогики» (Анненский скоропостижно скончался на ступенях Царскосельского вокзала как раз, когда ехал на одно из заседаний общества 30 ноября 1909 года с рефератом «Таврическая жрица у Еврипида, Ручелаи и Гете» в портфеле, который в тот вечер должен был читать). Он завален многочисленной редакторской, устроительной и литературной деятельностью для «Аполлона»: берет на себя заведование критическим отделом журнала, ездит по собраниям редакции, занимается организацией и делами «Общества ревнителей художественного слова» при «Аполлоне»⁵⁶, за неделю пишет для «Ежегодника Императорских театров» большую статью «Леконт де Лиль и его «Эриннии»»⁵⁷, а для «Аполлона» обширную полемическую статью «О современном лиризме», которая в конце концов обидела всех прочитавших ее (Анненский вынужден был поместить в «Аполлоне» оправдательное письмо), и одновременно работает над статьями ко второму тому Еврипида. В этом смысле показательно письмо Анненского к Е. М. Мухиной от 25 июля 1909 года: «Время идет так быстро, что иногда не видишь дней, теряешь дни. <...> Кончил, наконец,

⁵³ Зелинский Ф. Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик. С. 6.

⁵⁴ Ср. в воспоминаниях В. Кривича: «“Аполлон” сильно захватил отца, и, вероятно, он с головой ушел бы в эту новую деятельность, если бы не трагическая катастрофа 30-го ноября» (Лаврова А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях. С. 97).

⁵⁵ Просьба Анненского об освобождении его от этой должности, поданная в конце октября 1909 года, была удовлетворена в конце ноября 1909 года, за десять дней до смерти.

⁵⁶ Ср. в воспоминаниях В. Кривича: «Очень скоро при “Аполлоне” было организовано Общество ревнителей художественного слова, учредителями которого были — отец, Маковский и Вяч. Иванов, фактически выкристаллизовавшее из себя т. ак. н. азываемую “Академию Аполлона”, куда шла учиться молодая литература, эстеты из лагеря подлинного искусства. Здесь отец взял на себя вопросы философии творчества — область, столь близкую его сердцу» (Там же).

⁵⁷ Статью, которая, кстати, была заказана бар. Н. Дризенем, главным редактором журнала, сначала (а может быть, и параллельно) Вяч. Иванову.

злополучную статью о “Троянках” <...> Кончил статью — вышла очень большая. Тотчас думал приняться за “Умоляющих”, которых начал уже три года тому назад (т. е. статью), но тогда бросил. Но приехал Маковский — прискакал на мое письмо, что кончена статья для “Аполлона” и пришлось опять обратиться к “Лиризму” (т. е. к статье «О современном лиризме». — В. Г.). После чтения вместе с ним и весьма правильных его замечаний как редактора, я признал необходимым кое-что изменить в статье. Опять несколько незаметно канувших куда-то дней. Теперь завтра в связи с некоторыми литературными делами придется уехать в Финляндию на несколько дней, и только через неделю водворюсь опять на место...»⁵⁸.

Человек близкий к нему, и к тому же античник, профессор Б. В. Варнеке в некрологе горестно вздыхал по этому поводу, явно не придавая большого значения поэтической и литературно-редакторской деятельности своего друга: «Все эти неожиданно возникавшие проекты задерживали хотя на время осуществление главной задачи — окончание переводов всех трагедий Еврипида, что и до сих пор осталось неосуществленным. Переведено было И. Ф. Анненским гораздо больше тех пьес, которые вошли в первый том изданного им “Театра Еврипида”»⁵⁹. Очевидно, что и Варнеке, несмотря на близость к Анненскому, неизвестно было даже, сколько же он перевел пьес.

Последней пьесой Еврипида, переведенной Анненским, была «Ифигения-жрица», которая увидела свет только в 1921 году. О состоянии еврипидовского наследия в момент смерти Анненского упоминает в письме к В. В. Розанову, опубликованном в газете «Новое время» 14 января 1917 года, Ольга Петровна Хмара-Баршевская: «Скоропостижная кончина, ровно семь лет тому назад, 30 ноября 1909 года, не дала И. Ф. Анненскому завершить печатанием самый большой его труд, труд 15-летней работы; и “Театр Еврипида” — первый вышедший том коего удостоен одобрения от ученого комитета министерства народного просвещения — оказался после его смерти в виде рукописей, из коих в двух трагедиях даже не перенумерованы страницы четвертушек бумаги, с “тире” вместо имен, и — в грустной суматохе водворения среди ночи мертвого хозяина в тот самый кабинет, где еще накануне он работал, полный творческих сил, все эти листки были спешно свалены с письменного стола в сундук и еще более перепутаны. Я, пишущая вам эти строки, его невестка, с которой он в течение многих лет делился своими поэтическими замыслами и которая переписывала его произведения, изучив до тонкости его почерк и свободно разбираясь поэтому в его черновых рукописях, за два почти года внимательного и настойчивого труда, наконец привела в порядок и подготовила к печати 12 переведенных им трагедий

⁵⁸ Анненский И. Книги отражений. С. 488.

⁵⁹ Впоследствии Варнеке с плохо скрываемым раздражением винил Анненского в том, что он пожертвовал своей главной работой ради чего-то, что этого никак не стоило: «Когда после 1905 г. купчик М. К. Ушков на деньги от политурного завода стал издавать “Аполлон”, И. Ф. оказался желанным его сотрудником» (Лавров А. В., Гиленчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях. С. 73). За семнадцать дней до смерти Анненского Варнеке писал ему: «Когда-то я получу следующий том Еврипида? Всего хорошего, а главное, досуга для печатания Еврипида» (РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 6об.).

с большими статьями к каждой»⁶⁰. В состав двенадцати трагедий, упомянутых в письме, не входят те шесть, которые были уже напечатаны в первом томе издательством «Просвещение», и «Рес», только приписываемый Еврипиду. Насчет же статей к каждой трагедии — здесь Хмара-Барщевская поступает точно: ради общей картины: об этом свидетельствует приводимый ниже текст договора Валентина Кривича с издательством М. и С. Сабашниковых, которое с 1917 года начало заново печатать «Театр Еврипида» Анненского⁶¹.

Издание второго тома Еврипида в «Просвещении» намечалось в 1910 году. К 1911 году в московском издательстве М. и С. Сабашниковых возникает план издания серии «Памятники мировой литературы», куда входили бы и переводы из античных авторов. К работе над этим проектом Сабашников решил привлечь и петербургских филологов, но неожиданно наткнулся на осторожное недоверие. В Петербурге утверждали, как об этом пишет сам М. Сабашников, что классицизм не пользуется «сочувствием публики», и ссылались «на провал выпущенного издательством “Просвещение” тома Еврипида»⁶². Тем не менее переговоры об издании начались тогда же, и, по воспоминаниям того же М. Сабашникова, «сразу наметились и переводчики, и редакторы, и даже готовые к изданию переводы: Эсхила поручить Вячеславу Иванову, Софокла — Зелинскому, Еврипида — готовый перевод приобрести у наследников Иннокентия Анненского»⁶³. Вероятно, уже к 1911 году стало ясно, что «Просвещение» не заинтересовано в продолжении издания «Театра Еврипида».

Михаил Васильевич Сабашников в своих «Воспоминаниях» набросал сюжетную канву перипетий публикации Еврипида. По-видимому, печатание именно этого автора, а точнее, самого перевода, запомнилось ему больше, чем что-либо

⁶⁰ Цит. по: *Зелинский Ф.* Предисловие редактора // Театр Еврипида. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1917. Т. II. С. X—XI.

⁶¹ Редактор этого издания, Ф. Ф. Зелинский, особо упоминает этот факт в письме к М. Сабашникову: «Присланная Вами выписка из Вашего договора с В. И. Анненским содержит для меня не один сюрприз, а два. Один — приятный: <...> статья об Еврипиде имеется в бумагах покойного, что освобождает меня от необходимости написать таковую самому. Второй, менее приятный, состоит в том, что к целому ряду драм вводных статей не оказывается — из чего следует, что написать их придется мне» (РГБ. Ф. 261. Карт. 4. Ед. хр. 20. Л. 31).

⁶² *Сабашников М. В.* Воспоминания. С. 290. Позднее Ф. Зелинский, редактор нового издания Еврипида, будет ссылаться на неудачу первого тома Еврипида в «Просвещении», оправдывая свои редакторские исправления Анненского: «Покойный И. Ф. сам выпустил 6 переведенных им трагедий в 1906 г. в издании “Просвещения”; эта книга так и осталась в продаже в “каком угодно” числе экземпляров. В 1916 появляется под моей редакцией новое издание переведенных И. Ф. трагедий в коллекции М. и С. Сабашниковых — и уже в три месяца, в три летних, глухих месяца все издание распродается, причем этот быстрый успех обращает на себя внимание даже периодической печати <...>. И в связи с ним оживляется несколько продаж и издания 1906 г.: заинтересованная Еврипидом, публика обращается и к нему» (*Зелинский Ф.* Предисловие редактора. С. XXI).

⁶³ *Сабашников М. В.* Воспоминания. С. 292.

другое⁶⁴, ибо на довольно скудном фоне повествования об издательской деятельности сюжет этот, пожалуй, единственный выделяется своими подробностями, часто, впрочем, полужабытыми и неверными.

«Большие затруднения, — пишет Сабашников, — предвиделись при приобретении готовых уже переводов Еврипида. Сам переводчик И. Анненский незадолго до этого умер. Предстояло сговориться с его наследником, с которым у самого Зелинского произошла какая-то размолвка. Между тем другого, равного по силе переводчика Ф. Ф. Зелинский назвать не мог. Ведь покойный Анненский был одаренный поэт и притом филолог, многие годы работавший над Еврипидом. Некоторые вольности, допущенные в переводе, могут быть либо устранены редакцией, либо особо оговорены.

Остановились на том, что я вступлю в переговоры с наследником и постараюсь получить переводы (хотя бы в копиях) для прочтения в редакции, затем передам их Ф. Ф. Зелинскому для окончательного заключения и уже после обсуждения дела вновь с Ф. Ф. постараюсь договориться с наследником. Однако выполнить эту программу оказалось не так-то просто. Не сразу решился наследник предоставить мне копии переводов для прочтения <...>⁶⁵.

Судя по имеющимся документам, в январе 1912 года М. Сабашников обращается к Валентину Кривичу-Анненскому с предложением напечатать «Театр Еврипида» в своем издательстве: «Милостивый Государь Владимир (так!) Иннокентьевич. Честь имею обратиться к Вам с предложением, не пожелаете ли Вы войти в соглашение с нашим издательством относительно переиздания уже ранее изданных и издания еще неизданных переводов Вашего отца с греческого и латинского языков. Наше издательство предполагает выпустить Софокла в переводе Ф. Ф. Зелинского и Эсхила в переводе Вяч. Иванова, и нам было бы очень приятно выпустить в нашем издании Еврипида в переводе Вашего отца. Мы охотно приняли бы также на себя издание и других переводов Вашего отца. <...>⁶⁶. Кривича предложение, безусловно, заинтересовало, и немедленно по получении сабашниковского письма, 22 января 1912 года, он пишет ему в ответ: «<...> “Театр Еврипида” еще покойным отцом предоставлен к изданию фирме “Просвещение” <...> Все издание трехтомное, с двумя обширными, исчерпывающими предмет введениями и статьями об отдельных пьесах. “Театр Еврипида” — труд совершенно законченный, и перерыв между появлением I и следующих томов вызван тем обстоятельством, что некоторые пьесы и статьи, входящие во II том, не были закончены перепиской для печати. Имея в виду, что издательство Ваше интересуется главным образом классическими вещами, я не буду затруднять внимание Ваше сведениями о других имеющихся у меня материалах для издания — статьях по вопросам литературы, искусства, философии творчества, сборниках

⁶⁴ Это могло быть связанным не в последнюю очередь с тем скандалом, который разыгрался вокруг издания Еврипида в связи с публичными обвинениями редактировавшего его Ф. Зелинского в прямой порче и искажении переводов Анненского; так что редакции пришлось специально отвести четырнадцать страниц во втором томе, чтобы уладить этот скандал (см. ниже).

⁶⁵ Сабашников М. В. Воспоминания. С. 296–298.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 3.

стихов — переводных и оригинальных, пьесах по фрагментам и пр. — но, конечно, всегда с готовностью отвечу Вам на все вопросы о сочинениях покойного отца, если бы издательство Ваше ими заинтересовалось. Вместе с этим — очень был бы благодарен Вам за сообщение мне, в общих чертах, условий издания. <...>»⁶⁷. Интерес Кривича к возможности издать «Театр Еврипида» у Сабашниковых был понятен: со времени выхода первого тома в «Просвещении» прошло почти шесть лет, и перспектива появления остальных томов в этом издательстве, с которым у него, по-видимому, не складывались отношения ввиду позиции, занятой редакцией⁶⁸, оставалась довольно туманной. В письме Кривича, отправленном Сабашникову спустя три года после смерти Анненского, чувствуется давний упрек «Просвещению» за то, что второй том не вышел только по вине издательства. Кроме того, тут могла быть и другая причина: в напечатании этого труда отца Кривич видел осуществление главного дела его жизни как раз в то время, когда возник и начал развиваться культ Иннокентия Анненского, имя которого в 1906 году, в год выхода первого тома «Театра Еврипида» в издательстве «Просвещение», было еще мало кому известно. И затянувшийся невыход в этом издательстве второго тома накладывал на всё предприятие печать неудачи — того биографического лейтмотива Анненского, который так хорошо был известен его сыну и от которого теперь надо было освободить память отца.

Как бы то ни было, предложение Сабашникова относится к самому началу 1912 года, но только спустя более чем два года, 25 апреля 1914 года, Кривич окончательно решился им воспользоваться⁶⁹, потеряв всякую надежду на то, что Еврипид будет выпущен «Просвещением»: «Несколько дней тому назад, в силу некоторых обстоятельств, я был вынужден и счел себя в праве, совершенно отказаться от дальнейших отношений по этому изданию с «Просвещением» и взять обратно из этого издательства сданные ему к печатанию 2 и 3 тома (весь матери-

⁶⁷ РГБ. Ф. 261. Карт. 2. Ед. хр. 64. Л. 1–2.

⁶⁸ 12 июня 1910 года Валентин Кривич, вероятно, в связи с передачей оставшихся после смерти отца материалов к «Театру Еврипида» и в ответ на запросы о финансовом аспекте издания, получил следующее письмо от управляющего издательством товарищества «Просвещение»: «М<илостивый> г<осударь> Валентин Иннокентьевич. По данным нашей бухгалтерии, книга Вашего покойного отца «Театр Еврипида», т. I, отпечатанная в 1600 экз. (из них 100 для рецензий), продана до сих пор всего в количестве 484 экз. Таким образом, сумма, вырученная от продажи этой книги, до сих пор не покрыла и половины расходов, потраченных нами на издание ее. Издана означенная книга на основании условий, изложенных в наших письмах от 17.XI.1906 и подтвержденных письмами Вашего покойного отца от 22.XI того же года. Этими же условиями предусмотрено издание II и III томов «Театра Еврипида» в переводе Вашего покойного отца. Примите уверение в совершенном уважении» (РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 8).

⁶⁹ Еще в 1915 году, в статье П. Митрофанова (*Митрофанов П. П.* Иннокентий Анненский // Русская литература XX века: 1890–1910 / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1915. Вып. 2. Кн. 6. С. 284), одного из сослуживцев Анненского и человека, знавшего его достаточно хорошо, есть указание на скорый выход из печати второго и третьего томов «Театра Еврипида».

ал) «Театра Еврипида» <...>⁷⁰. Ровно через четыре дня, сразу же по получении письма Кривича, Сабашников писал ему в ответ: «Милостивый государь Валентин Иннокентьевич, наше издательство продолжает выпуск в свет художественных переводов древних классиков и потому встретило с большим интересом Ваше предложение об издании Еврипида в переводе Вашего покойного отца. На будущей неделе, быть может, в воскресенье 4 или в понедельник 5 мая, я приеду в Петербург дня на два. Желательно было бы воспользоваться этим случаем, чтобы лично переговорить с вами об этом деле. Не откажите уведомить, можно ли будет найти Вас, и как именно, в эти дни в Петербурге, и как можно будет ознакомиться с текстом, об издании которого идет речь. <...>»⁷¹.

Разразившаяся война прервала на время переговоры между издательством и Кривичем, но уже в конце ноября⁷² печатание «Театра Еврипида» у Сабашникова было решено. 5 декабря был подписан договор, в котором перечислялись все имевшиеся в «Просвещении», а теперь переходящие в издательство Сабашниковых тексты:

«Я, нижеподписавшийся, Валентин Иннокентьевич Анненский, являясь единственным наследником литературных прав отца моего, И. Ф. Анненского, настоящим уступил Михаилу Васильевичу Сабашникову в полную его собственность нижеследующие труды отца моего, предположенные им к изданию в трех томах под общим заглавием «Театр Еврипида». <...> Том I: Предисловие. Статья «Античная трагедия». Перевод драмы «Алькеста». Статья «Поэтическая концепция «Алкесты» Еврипида». Перевод трагедии «Медея». Статья «Трагическая Медея». Перевод трагедии «Ипполит». Статья «Трагедия Ипполита и Федры». Перевод трагедии «Геракл». Статья «Миф и трагедия Геракла». Перевод трагедии «Ион». Статья «Ион и Аполлонид». Перевод драмы «Киклоп». Статья «Киклоп и драма сатиров». Том II: Статья «Еврипид и его время. Очерки культурной истории Афин V века». Переводы трагедий «Гераклиды», «Андромаха», «Гекаба», «Умоляющие». Статья «Елевсинская трагедия». Перевод трагедии «Троянки». Статья «Поэт Троянок». Перевод трагедии «Елена». Статья «Елена и ее маски». Перевод трагедии «Ифигения-жрица». Статья «Таврическая жрица у Еврипида, Руччелаи и Гете». Том III: Перевод трагедии «Электра». Перевод трагедии «Орест». Статья «Миф об Оресте у Эсхила, Софокла и Еврипида». Перевод трагедии «Финикиянки». Предисловие к переводу «Финикиянок». Перевод трагедии «Ифигения-жертва». Статья «Посмертная «Ифигения» Еврипида». Перевод трагедии «Вакханки», с предисловием и статьями «Еврипид поэт и мыслитель», «Дионис в легенде и культуре», «Вакханки» Еврипида» (вместо комментария). Перевод трагедии «Рес» и статья к ней (в виде предисловия). <...> Первый том был издан «Просвещением» <...> Что касается содержания второго тома, то кроме статьи «Таврическая жрица у Еврипида, Руччелаи и Гете», помещенной в журнале «Гермес», произведения, его составляющие, нигде раньше не были изданы. Из вещей, входящих в III том,

⁷⁰ РГБ. Ф. 261. Карт. 2. Ед. хр. 64. Л. 3.

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 4.

⁷² См. письмо управляющего «Издательством М. и С. Сабашниковых» М. Я. Лукина (РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 6).

перевод трагедии “Вакханки” с тремя статьями был выпущен в 1894 г<оду> отдельным изданием. Трагедия “Финикиянки” напечатана была в журнале “Мир Божий”. Остальные же вещи разновременно помещены были в Журнале Министерства Народного Просвещения. <...> Утраченные места рукописей переводов И. Ф. Анненского могут быть восполнены переводами, сделанными другими лицами <...> Подлинные рукописи И. Ф. Анненского трагедий и статей, входящих во II том “Театра Еврипида”, содержание которого указано в сем договоре, за исключением статьи “Таврическая жрица...”, передаются во временное пользование М. В. Сабашникову для сверки текста; означенные рукописи должны быть возвращены В. И. Анненскому не позднее как в течение годовичного срока от числа подписания сего договора». Рукой Лукина сбоку приписано: «Поименованные в сем договоре подлинные (и копии к ним) рукописи И. Ф. Анненского, трагедий и статей, входящих во II том “Театра Еврипида”, получил 5 декабря 1914 года. Мстислав Яковлевич Лукин»⁷³.

В том же 1914 году начались переговоры М. В. Сабашникова с Ф. Ф. Зелинским относительно издания Еврипида⁷⁴. Судя по письму Зелинского от 14 декабря 1914 года он дал формальное согласие на редактирование нового издания «Театра Еврипида»: «Многоуважаемый Михаил Васильевич. В Вашем образе действия относительно выпуска нашего наследия бедного Анненского я вижу столько идеализма и благородного служения дорогому Вам делу, что мне было бы просто стыдно отказать Вам в своем содействии. <...> Итак, принципиально я согласен редактировать Ваше издание: теперь о частностях <...> раз издание будет сделано заново, то в порядке издаваемого нам нужно держаться определенного принципа. Какой же это будет порядок? Хронологический? Но он неизвестен. По циклам <...>? Он не практичен — циклов получилось бы слишком много. Остается алфавитный, которому и следует большинство изданий»⁷⁵. Далее Зелинский перечисляет девятнадцать трагедий Еврипида (включая «Реса») в алфавитном порядке — «всего на 4–5 томов, смотря по объему вводных статей»⁷⁶. В конце концов решено было издавать пять томов Анненского и шестой том — «Фрагменты» из не дошедших до нас пьес — в переводе самого Зелинского: их

⁷³ РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1–2об.

⁷⁴ В это же время Зелинский занимался редактированием собственных переводов Софокла, три тома которых вышли в издательстве М. и С. Сабашниковых в 1914–1915 годах.

⁷⁵ РГБ. Ф. 261. Карг. 4. Ед. хр. 20. Л. 29. Сам Анненский в «Предисловии к первому тому» объяснял свой выбор пьес так: «В первый том вошли, кроме датированных пьес раннего периода, — три драмы неизвестных дат. Я печатаю их ранее прочих ввиду их характерности, так как “Геракл” — один из лучших образцов строгого трагического жанра, “Ион” — драма романтического характера, и, наконец, “Киклоп” — единственный представитель сатировского рода» (Театр Еврипида. СПб., 1906. Т. I. С. X). Зелинский, комментируя такой принцип, назвал его «несколько произвольным — наполовину хронологическим, наполовину эстетическим» (Театр Еврипида. М., 1916. Т. I. С. VI).

⁷⁶ РГБ. Ф. 261. Карг. 4. Ед. хр. 20. Л. 29.

Анненский так и не успел перевести. Вступительные же статьи «Античная трагедия» и «Еврипид и его время» Зелинский решил поместить в качестве послесловий в пятый том⁷⁷. Объем последней из этих статей в документах издательства расходуется с первоначальным объемом той же статьи, предназначенной Анненским для первого тома: в ранних планах Анненского это была статья в 70 страниц, в издательстве же в одних записях числился её автограф объемом в 711 (712) рукописных листов, в другом месте — 208 страниц копии⁷⁸. По всей видимости (поскольку никаких других указаний и пояснений, касающихся этой статьи, в картотеке Сабашниковых не имеется), речь идет об одном и том же тексте, значительно превосходящем по объему текст, печатаемый нами, но с тем же заглавием.

Первый том «Театра Еврипида» в издательстве М. и С. Сабашниковых вышел в 1916 году. Второй — в 1917 году. Третий том предполагалось печатать одновременно с четвертым, но из этого ничего не вышло⁷⁹. Его удалось издать только в 1921 году, когда Зелинский жил уже в Польше. На этом издание прекратилось, хотя, надо полагать, редактором оно было доведено до конца⁸⁰. Последнее письмо, касающееся издания Еврипида, Зелинский написал Сабашникову уже из Варшавы в сентябре 1923 года.

⁷⁷ Как следует из письма Зелинского от 14 декабря 1914 года, в то время он еще не был осведомлен о существовании статьи Анненского «Еврипид и его время» и знал только о напечатанной «Античной трагедии»: «Но ко всему этому придется прибавить еще один том, в который войдут отрывки <...> и статья об Еврипиде. И то и другое было задумано <...>, но не исполнено, и эту часть значит должен взять на себя я» (РГБ. Ф. 261. Карт. 4. Ед. хр. 20. Л. 30).

⁷⁸ Ср.: «Еврипид. Оригиналы переводов И. Ф. Анненского. 1. Елена (134 стр.); 2. «Елена и ее маски» (135 стр.); 3. Троянки (85 стр.); 4. Статья «Поэт Троянок» (94 стр.); 5. Статья «Елевсинская трагедия» (65 стр.); 6. *Статья «Еврипид и его время»* (712 стр.); 7. Ифигения-жрица (69 стр.); 8. Умоляющие (69 стр.); 9. Гераклиды (73 стр.); 10. Гекаба (75 стр.); 11. Андромаха (55 стр.)» (Опись рукописей, находящихся в портфеле издательства на 1 декабря 1917 года: РГБ. Ф. 261. Карт. 10. Ед. хр. 1. Л. 5; здесь и далее курсив мой. — В. Г.); «Еврипид. Собрание сочинений. Пер. Анненского, ред. Зелинский. т. V. Троянки — 85 стр., подлинник, теперь Анненского; Финикиянки — 72 стр.; Электра — 64 стр.; Статьи: Анненского «*Еврипид и его время*» — 711 стр., подлинник; «Поэт Троянок» — 94 стр., подлинник, 2 копии 37 и 38 стр.» (Там же. Карт. 24. Ед. хр. 1. Л. 105об.); «18/IV.24. Для наследников Анненского выданы <...> копии <...> «*Еврипид и его время*» — 208 стр.» (Там же. Л. 114); «Ф. Зелинскому. Копии: Троянки — 63 стр., «Елевсинская трагедия» — 27 стр., «Поэт Троянок» — 38 стр., «*Еврипид и его время*» — 208 стр.» (Там же. Л. 119).

⁷⁹ Ср. в письме Ф. Ф. Зелинского к М. Сабашникову от 23 августа 1918 года: «Горючо одобряю Вашу мысль печатать III и IV тома параллельно, один в Петрограде (скорее всего, IV. — В. Г.), другой в Москве. С моей стороны никаких препятствий нет: III том переписан весь; что касается IV (Медея, Орест, Просительницы, Рес), то введение к Мееде печатается с Петроградского издания (т. е. с издания 1906 г. — В. Г.), перевод одной трагедии уже перестукан, введение к Оресту [нрзб.] по печатному — все занимает около 12 листов <...>» (РГБ. Ф. 261. Карт. 4. Ед. хр. 21. Л. 30).

⁸⁰ Еще до выхода третьего тома, 17 декабря 1920 года, Зелинский писал из Петрограда Сабашникову: «Многоуважаемый Михаил Васильевич, пишу Вам в день, ко-

Таким образом, и второе полное собрание Еврипида в переводах Анненского не было осуществлено. Всего самим Анненским и после его смерти Зелинским — было опубликовано шестнадцать трагедий. Две трагедии, «Умоляющие» и «Троянки», были впервые изданы только в 1999 году, в составе двухтомника «Еврипид. Трагедии. В переводах Ин. Анненского», подготовленного М. Л. Гаспаровым и В. Н. Ярхо для серии «Литературные памятники». Их долгое время считали навсегда утраченными, о чем и сообщал составитель сборника трагедий Еврипида, вышедшего в 1960 году: «Судя по предисловию Ф. Ф. Зелинского и плану издания, напечатанным в первом (сабашниковском. — В. Г.) томе, в распоряжении издательства имелся перевод всех трагедий Еврипида, причем “Просительницы” (“Умоляющие”)⁸¹ и “Троянки”, очевидно, могли находиться в издательстве только в рукописи, так как ни при жизни переводчика, ни после его смерти они нигде опубликованы не были. Перевод этих двух трагедий, по-видимому, утерян. Особенно приходится жалеть об утере перевода “Умоляющих”, так как никто ни прозой, ни стихами позже эту пьесу не переводил (перевод “Троянок” был опубликован еще в 1878 году С. Д. Шестаковым в “Ученых записках Казанского университета”). Таким образом, до сих пор мы не имеем полного перевода всех трагедий Еврипида»⁸².

Утерянными считал эти две трагедии и В. Ярхо, когда в 1969 году наконец вышел полный перевод всего Еврипида на русский язык в двух томах; две недостающие трагедии были даны здесь в переводе С. Шервинского: «Две трагедии — “Просительницы” и “Троянки” — так и не увидели света, а рукопись Иннокентия Анненского, по-видимому, утеряна»⁸³. Между тем перевод «Умоляющих», как и перевод «Троянок», не были утеряны. В 1975 году в Москве была устроена вы-

торый при иных условиях был бы для меня торжественным — я только что закончил VI т. Еврипида Анненского. Как изволите припомнить <...> том заключает в себе отрывки, и весь [нрзб.] моей самостоятельной работы; я составил его так, что он может служить своего рода “трагической мифологией” при изучении античной трагедии вообще. <...> Теперь же с грустью смотрю на этот толстый том, стоявший мне столько лет работы. III том у Вас, IV и VI <...> у меня; т. V будет готов через какой-нибудь месяц» (РГБ. Ф. 261. Карг. 4. Ед. хр. 21. Л. 39–40).

⁸¹ В проектируемом издании Зелинский изменил первоначальное заглавие, данное Анненским трагедии Еврипида, «Умоляющие» на «Просительницы», что вызвало протест со стороны наследников: «Согласитесь же, что для русского уха между словами: “Умоляющие” и “Просительницы” есть большая разница в нюансах, может быть, и незаметная для г. Зелинского. Со словом “Просительницы” лично у меня возникает картина не алтаря, у которого ищут защиты несчастные женщины, а приемная важного лица, где какие-то жалкие существа, может быть, в салонах стародавнего фасона, с выражением испуга в робких глазах, с трепетом ожидают появления сановника из кабинета... На мой взгляд “Просительницы” как-то не вяжутся с трагедией, и “Умоляющие” более идут к этому сюжету» (*Зелинский Ф.* Предисловие редактора. С. XII—XIII). Под названием «Просительницы» эта трагедия дается и в позднейшем переводе С. Шервинского.

⁸² Головня В. В. Примечания // Еврипид. Пьесы. М., 1960. С. 483.

⁸³ *Еврипид.* Трагедии. М., 1969. Т. I. С. 569.

ставка «Издания М. и С. Сабашниковых», на которой демонстрировались материалы из архива Сабашниковых в отделе рукописей ГБЛ (ныне РГБ). Среди них была и рукопись «Умоляющих»⁸⁴. Нашлась в фонде Сабашниковых и рукопись объяснительной статьи к этой трагедии — «Елевсинская трагедия». В РГАЛИ в Москве отыскался и черновой вариант перевода «Троянок», а также статья «Поэт Троянок», пусть и в неполном виде. Там же оказались две статьи, которые Анненский готовил к изданию своего второго, так и не вышедшего тома: «Еврипид и его время» и «Афины V века». Все это теперь, девяносто лет спустя, может наконец увидеть свет, собранное в одном томе.

В 1990 году я стал работать с рукописями Анненского в РГАЛИ, предполагая отыскать «утерянный» перевод «Троянок», а также и статьи, написанные им ко второму тому «Театра Еврипида». Просматривая однажды «Разрозненные листы перевода «Умоляющих»» (Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 90), я наткнулся в конце папки на листок с текстом, выписанным аккуратным мелким почерком, совсем не схожим с почерком Иннокентия Анненского: «Страницы перепутаны. Правильный их порядок», — и дальше шли в пять рядов номера страниц с пометкой о том, что «л. 33 — из другой пьесы», и стояла подпись: «М. Л. Гаспаров, 23.10.89».

Остается сказать о самих переводах. В 1917 году, после выхода первого тома «Театра Еврипида» в издательстве М. и С. Сабашниковых, разыгрался публичный скандал: сначала в газете «Новое время», который затем был перенесен на страницы второго тома Еврипида. Участниками его были, с одной стороны, родственница и человек близкий Анненскому, поверенная его творческих планов, Ольга Хмара-Барщевская, а также сын поэта Валентин Кривич, с другой же, — редактор сабашниковской «Театра Еврипида» Ф. Зелинский. Скандал разыгрался на почве многочисленных правок Зелинским переводов Анненского. Посредником выступал В. В. Розанов. Позиции сторон в основном сводились к следующему. О. Хмара-Барщевская: «Ну пускай бы г. Зелинский делал какие ему угодно исправления, пускай “в особенности приводил перевод в гармонию со своим переводом Софокла”, хотя разве это так необходимо? Разве Софокл и Еврипид сиамские близнецы, что должны быть непременно “на одно обличье”? Пускай ему было бы “приятно иметь место в книге, в котором он бы мог беседовать с читателем от себя лично”!

Но не надо было в конце книги совсем стереть границы, где кончается Инн. Федор. и начинается Фаддей Франц., надо было в посмертном издании дать не голый перечень изменяемых строк, а самые строки. Я не думаю, чтобы фирма Сабашниковых, преследующая высокие цели “образования русского общества”, захотела бы обезличить приобретенный ею труд Инн. Федор. и сознательно допустить “химическое соединение” Иннокентия Федоровича с его редактором Фаддеем Францовичем!»⁸⁵ Ф. Зелинский: «Как филолог, покойный не находился

⁸⁴ См.: Издания М. и С. Сабашниковых: Каталог выставки. М., 1975. С. 41.

⁸⁵ *Театр Еврипида*. Т. II. С. XIII. В письме к В. Кривичу О. Хмара-Барщевская выразила свое отношение к происходящему гораздо более определенно: «Верю, что тебя душевно и волнует и возмущает способ Зел<инского> разрывать в клочья, как падаль, труп твоего безгласного, незащитного, чудного отца! Верю, п<отому> ч<то> и у меня сердце обливается кровью. Но я ничуть не запугана наглым профессором

на высоте своей задачи; как поэт, он, без сомнения, на много голов выше меня — но борьба с филологическими трудностями его задачи не дает развиваться его вдохновению, Еврипид у него большей частью тлеет, а не горит, и только здесь и там вспыхивает. Читатель это не всегда замечает, зная И. Ф. как талантливого поэта, он склонен поставить слабость перевода в счет автору, а не переводчику, и вот это и есть то, чего я никак допустить не мог и не допущу»⁸⁶. Таким образом, вышедшие у Сабашникова три тома Еврипида, по подсчетам самого Зелинского⁸⁷, содержат около 4 000 исправленных им стихов Анненского: по объему это почти три трагедии, т. е. треть всех трагедий, изданных в этих томах. О. Хмара-Барщевской было за что упрекнуть Зелинского; аргументы же последнего могут лишь отчасти считаться убедительными, особенно ввиду его собственного признания в 1907 и 1909 годах за переводчиком права представлять «своего» Еврипида, как-им он, по-видимому, и представил Еврипида в исправленных текстах Анненского, но то был уже «Еврипид Зелинского».

Анненский оставил нам собственные требования к художественному переводу античных поэтов, сформулировав их в рецензии на перевод «Ипполита» Д. С. Мережковским, написанной в 1893 году: «Разбор перевода убеждает нас, мне кажется, помимо частных недостатков работы, еще и в некоторой ненормальности вообще стихотворных и вольных, так называемых литературных, переводов с древних языков. Положим, г. Мережковский мог бы знать по-гречески лучше и проникнуться большим уважением к Еврипиду, но зато много ли вы у нас найдете таких опытных версификаторов?»

По-моему, вообще перевод синтетический может явиться только при двух условиях: во-1-х, должен переводить настоящий поэт, во-2-х, в темпераменте и настроении поэта-переводчика должно быть соответствие с темпераментом и настроением поэта переводимого <...>. В-3-х, для синтетического перевода необходимо, безусловно, хорошее знакомство с творчеством поэта вообще и с мирозерцанием данной эпохи. Редко поэтов спасала гениальная интуиция (напр. Пушкина, когда он переводил песни западных славян с подделки Мериме)»⁸⁸.

Все условия, названные Анненским, можно применить к нему самому, да он, вероятно, и применял их к себе, работая как раз в это время над переводом «Вак-

и его грубыми выходками! Ничуть! <...> Зел<инский> меня не запугает, и чем больше он негодует, тем очевидней его поражение в будущем! <...> нельзя так беззащитно переделывать (до 900 строк в томе! <...>) нельзя, говорю, переделывать поэтический перевод, подводя его под узкие рамки “дословного” перевода <...> Зелинский взялся не за свое дело — ему только надо было сверить, нет ли пропусков, нет ли опусков — не позволяя себе перекраивать поэтический перевод совсем заново. <...> Не бойся, ради Бога, научных заменений — в поэзии науке иногда нечего больше и делать, как внимать благоговейно. <...> А какое подлое письмо он написал Розанову!! В нем он говорит о полной несостоятельности Кени как поэта! “у него слабый лепет вместо могучего голоса древнего классика” и он “не горит, а тлеет” и тому подобные мерзости <...>» (РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 1–2об.).

⁸⁶ *Театр Еврипида*. Т. II. С. XVII–XVIII.

⁸⁷ Там же. С. XX.

⁸⁸ *Филологическое обозрение*. 1893. Т. IV. Кн. 2. Паг. С. 192.

ханок», снабженным подробными статьями о творчестве Еврипида и художественной концепции его творения.

Человеком, который больше всего писал о переводах Анненского, был Ф. Зелинский, которому тот посвятил свой перевод «Ипполита» (1902). Зелинский ответил благодарственным письмом (9 октября 1902 года), по-своему формулируя те условия перевода, о которых говорилось выше и которые он сам разовьет в дальнейшем, давая уже публичную оценку труда Анненского: «Многоуважаемый и дорогой Иннокентий Федорович. Я в долгу перед Вами: до сих пор не ответил на Вашего Ипполита — солецизма в этой последней фразе нет, так как этот Ипполит, будучи посвящен мне, с античной точки зрения, является настоящим посланием. Позвольте прибавить: прекрасным посланием; зная Вас, к счастью, уже не первый год, я с особенным удовольствием узнаю Вас, при чтении перевода, в томе третьем, стоящем между Еврипидом и мною. Обыкновенно это третье является помехой, неизбежным злом; психологический опыт при чтении Вашего перевода лишний раз убедил меня в том, что только интересные люди имеют право выступать переводчиками. А так как у нас, античных людей, дозволяется <currentes incitore>, то и я выскажу желание, чтобы число Ваших переводов из Еврипида росло и росло до тех пор, пока и сравняется с числом пощаженных роком его трагедий.

Впрочем, я говорю о Вас, а не о том, почему не ответил Вам раньше. Это далеко не так интересно: но чтобы не оставить пробела, должен прибавить, что рассчитываю видеть Вас в Обществе и там сказать устно то, что теперь так неудачно складывается в неудобочитаемые письма. Хорошо, что это удовольствие предстоит мне через две недели.

Еще раз прошу принять мою благодарность, что Вы и мое имя связали с делом русской метемпсихозы Еврипида. Более чем когда-либо преданный Вам. Ф. Зелинский»⁸⁹.

Сразу же после выхода в свет прижизненного издания первого тома «Театра Еврипида» Ф. Ф. Зелинский опубликовал в журнале «Перевал» большую статью «Еврипид в переводе Анненского: Алкеста и Медea»⁹⁰. В статье предпринята попытка охарактеризовать Анненского как переводчика Еврипида, точнее, дана оценка принципов его переводов. Характеристика эта тем более важна, что исходит от филолога-классика, в будущем редактора переводов «Театра Еврипида», который, может быть, и с некоторой долей заинтересованности, выступит впоследствии уже с другой оценкой этих переводов. Но теперь, в 1907 году, эта оценка ничуть не противоречит тем условиям перевода древних авторов, о которых писал сам Анненский: «И. Ф. Анненский — вовсе не переводчик в обыкновенном смысле слова, не толмач, старающийся только своими словами передать непонятную для его среды речь подлинника. Еврипид для него — часть его собственной жизни, существо, родственное ему самому <...>. Его он воспринял, в него он вчувствовался всею своею душой; и этого усвоенного им Еврипида он передает

⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 1–1об.

⁹⁰ *Перевал*. 1907. № 11. С. 38–41; № 12. С. 40–46. Статья вошла сначала во второе издание книги Зелинского «Из жизни идей». СПб., 1908. С. 321–338 (а затем и в третье: Пг., 1916).

своим читателям. Для этой полной передачи одного только “перевода” в тесном смысле слова было мало <...>. За каждой из переведенных драм следует, как дополнение к ней, объяснительная статья; лишь вместе взятые они дают нам в полной мере “Еврипида в переводе Анненского”⁹¹. Для Зелинского перевод Анненского по сути есть «отражение» Еврипида в идейно-поэтическом мире переводчика, и, как мы уже цитировали выше, такое «отражение» правомерно в той степени, в какой каждый из переводящих «отражает» в себе то, что он переводит: иначе и быть не может.

В дальнейшем, в своей статье-некрологе памяти Анненского, Зелинский более подробно коснулся существенных принципов его перевода в связи с характером переводчика, не отказываясь, а продолжая свои идеи 1907 года: «То, что нам дал И. Ф. — это не просто русский Еврипид, а именно русский Еврипид И. Ф. Анненского, запечатленный всеми особенностями его индивидуальности. Мы можем сколько угодно отмечать его несогласие с подлинным Еврипидом; но если бы мы пожелали — и смогли — передать последнего по-своему, то все-таки вышел бы наш Еврипид, а не Еврипид просто»⁹². И далее Зелинский выясняет конструктивные особенности этого «русского Еврипида И. Ф. Анненского»: «Рассудочный характер античной поэзии ведет к тому, что ее мысли сцеплены между собою либо взаимной подчиненностью, либо всякого рода союзами и частицами. Это для переводчика один из главных камней преткновения. Русская поэзия периодизации не терпит и бедна союзами; приходится сплошь и рядом нанизывать там, где античный поэт сцеплял, разбивая его цепи на их отдельные звенья. Возьмем для примера несколько стихов из монолога Медее тотчас по удалении обманутого ею Креонта (ст. 371 сл.). В точном прозаическом переводе они гласят так: “Он же дошел до такого неразумия, что, имея возможность, изгнав меня из земли, этим (заранее) уничтожить мои замыслы, — разрешил мне остаться этот день, в течение которого я обращаю в трупы троих моих врагов — отца, дочь и моего мужа”. Нечего говорить, что в поэзии этот перевод невозможен; у И. Ф. мы находим:

О, слепец!

В руках держать решенье и оставить
 Нам целый день... Довольно за глаза,
 Чтобы отца и дочь и мужа с нею
 Мы в трупы обратили... ненавистных.

Полезно сравнить его перевод шаг за шагом — так ясна здесь расчленяющая работа переводчика, заставившая его даже, ради эффектности антитезы, пожертвовать частью содержания второго стиха. В этом можно видеть недостаток перевода; но переводчик нам ответит, что иначе пришлось бы пожертвовать поэзией — и будет прав»⁹³. Итак, первой особенностью перевода Анненского является то, что Зелинский называет «расчленением», которое искажает в переводе ори-

⁹¹ Цит. по: *Зелинский Ф.* Из жизни идей. С. 321–322.

⁹² *Зелинский Ф.* Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик. С. 6.

⁹³ Там же. С. 7.

гинал: иногда в пользу поэзии, а иногда, как он показывает на другом примере, в ущерб мысли Еврипида: «Не раз соблазн расчленения и нанизывания доводит переводчика до того, что он им не облегчает, а затрудняет понимание своего автора. Возьмем опять пример — знаменитый монолог Федры в первом действии. Его рассудочность вырастает из самого характера героини; она так естественна, что с ее устранением пропадает и поэзия. Вот точный прозаический перевод начала (ст. 374 сл.): “Уже и раньше в долгие часы ночи я размышляла о том, что именно разрушает человеческую жизнь. И я решила, что не по природе своего разума люди поступают дурно — благоразумие ведь свойственно многим — нет, но вот как должно смотреть на дело. Мы и знаем и распознаем благо; но мы его не осуществляем, одни из вялости, другие потому, что они вместо блага признали другую отраду жизни”. У И. Ф. мы читаем:

Уже давно в безмолвии ночей
Я думою томилась: в жизни смертных
Откуда ж эта язва? Иль ума
Природа виновата в заблужденьях?..
Нет — рассужденья мало — дело в том,
Что к доброму мы не стремимся вовсе,
Не в том, что мы его не знаем. Да,
Одним мешает леность, а другой
Не знает даже вкуса в наслажденьи
Исполненного долга.

Бедная Федра, так гордящаяся беспощадной последовательностью своего рассуждения, в этом случае, думается мне, имела бы право слегка попенять на своего переводчика⁹⁴. Весьма возможно, что «бедная Федра» и не согласилась бы с защитой своего «ученого друга»: ведь последовательность рассуждения в прозаическом подстрочнике и поэтическом переложении не только не должны совпадать, но и вряд ли могут; точный перевод «беспощадных» логических периодов не дал бы ничего, кроме того же самого «точного прозаического перевода», хотя в общих своих рассуждениях о «расчленении» как тотальном приеме Анненского Зелинский, безусловно, прав. И в связи с этими общими наблюдениями, позволяющими яснее представить себе поэтику перевода Анненского, в результате которой, как отметил М. Л. Гаспаров, его Еврипид становится «болезненно-уточнен и декадентски манерен», интересно еще и такое замечание Зелинского: «Этот “соблазн расчленения”, как я его назвал, может быть изобличен еще одной, чисто внешней приметой. Как издатель, я люблю при интерпункции пользоваться всеми знаками современного препинания, включая и многоточие. И тут я убедился, как редко удастся вставить этот знак в текст подлинной греческой трагедии <...> У переводчика, напротив, это один из наиболее встречаемых знаков <...>⁹⁵.

⁹⁴ Зелинский Ф. Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик. С. 7.

⁹⁵ М. Л. Гаспаров приводит пример подобной перемены «дикционной физиономии Еврипида» у Анненского, в пяти начальных строках из последней сцены «Электры» (1164–1168): «Идут, идут... Пропитанные кровью / Их матери зарезанной... О, вид /

Отсюда видно, что дикционная физиономия Еврипида, если можно так выразиться, у его переводчика должна была сильно измениться»⁹⁶.

К отмеченному Зелинским современным филологом и переводчик прибавляет еще одну существенную характеристику, определяющую «русского Еврипида» Анненского — многословие: «Анненский был очень лаконичен в своих оригинальных стихах, но не жалел слов для оттенков чувств и мыслей в переводах Еврипида. Что перевод нерифмованного драматического стиха оказывается длиннее подлинника — дело обычное; но у Анненского почти систематически каждые десять стихов подлинника разрастались до тринадцати-пятнадцати. Фразы, удлинняясь, переставали укладываться своими звеньями в отведенные им строки, и полустипши начинали прихотливо перебрасываться из строки в строку, и от этого «дикционная физиономия» Еврипида терялась окончательно»⁹⁷.

Замечания Ф. Ф. Зелинского и М. Л. Гаспарова по-своему определяют особенности «русского Еврипида», каким мы знаем его по переводам Анненского, но именно по-своему, так как оба они в своей критике исходят из сходного принципа: «“рассудочный характер” в поэзии всегда мне близок»⁹⁸. Анненский же исходил из других принципов, и они очевиднее всего обнаруживаются в его пояснительных статьях к переводам⁹⁹. Поэтому прав был Зелинский, заметивший еще в 1907 году, что «русский Еврипид Анненского» это не один только перевод, но и пояснительная статья к нему.

Для Анненского искусство Еврипида в своих общих основах, скорее всего, имеет музыкальную природу. Так, говоря о влиянии на позднего Еврипида трагедий Агафона, которого Анненский однажды назвал «декадентом, не только не отверженным, как у нас, а напротив, бессменно венчанным»¹⁰⁰, он следующим образом характеризует музыкальные новшества последнего: «Должно быть, немалую приманку пьес составляла также и новая музыка трагедий, песни сладкого и изнеженного тона: флейта Агафона вошла в поговорку, а стасимы его пьес были действительно музыкальными антрактами (εσμβολαίαι) и ничем не связывались с драматическим действием» («Афины V века»: наст. изд.). Но, вероятно,

Трофея их победы нечестивой... / Нет дома, нет несчастнее тебя, / Дом Тантала... зло-
счастней и не будет...» Ср. с его собственным переводом этих строк: «— Но вот они
выходят из дверей, / Кровь матери на их руках свежа — / Победный знак за тот по-
следний вскрик. / О, не было и нет на всей земле / Несчастней рода, чем Танталов
род!» (Гаспаров М. Л. Предисловие переводчика к «Электре» Еврипида. С. 162, 187).

⁹⁶ Зелинский Ф. Иннокентий Анненский как филолог-классик. С. 7–8.

⁹⁷ Гаспаров М. Л. Предисловие переводчика к «Электре» Еврипида. С. 162.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Анненскому, вероятно, приходилось отстаивать важность пояснительных статей наряду с переводами даже перед людьми, в высшей степени сочувственно относящимися к его труду, судя по такому, например, замечанию в письме к нему Б. Варнеке от 2 сентября 1908 года: «Напрасно Вы думаете, что Вашими статьями я дорожу меньше, чем самими переводами. Думаю только, что для удобства их удобнее было бы разбить в виде отдельного выпуска, как теперь Виладовиц сделал это с предисловием к Гераклу» (РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 2).

¹⁰⁰ Анненский И. Античная трагедия // Театр Еврипида. СПб., 1906. Т. I. С. 22.

не только это определяло для Анненского музыкальный характер драмы Еврипида, которого он, выделяя из триады древних трагиков, единственным считал «поэтом будущего». Какую бы из сторон его трагедии ни брал Анненский, он везде находил следы все тех же «музыкальных» основ еврипидовского творчества. О характере мифа у Еврипида в 1901 году он сказал так: «Вообще для Еврипида миф был только сюжетом <...>»¹⁰¹, и через 8 лет, в «Поэте “Троянок”», добавил: «Троя могла быть еще сказочной Троей для Эсхила, но у Еврипида преданию уже приходилось цепко держаться за музыку», т. е. за оттенки и нюансы психологии. О характерах в драмах Еврипида: «Это <...> натуры, тронутые рефлексией, полные душевной борьбы и противоречий <...>»¹⁰². Несмотря на то что, по собственному признанию Анненского, Федра у Еврипида рисуется скорее как натура рассудочная (вспомните пример Зелинского), он тем не менее скажет о ней так: «Федра одна из тех женщин, слова которых не столько открывают характер, сколько заставляют нас с безнадежностью всматриваться в глубокую тайну сердца»¹⁰³. Таким образом, отмечая рефлексивность как основной признак еврипидовских героев, самый характер этой рефлексии Анненский понимал как психологический, «музыкальный», а не рассудочный.

И наконец, в стиле Еврипида он видел не столько «рассудочность», сколько другие, более важные и близкие ему черты: «Полный контраст этой странной и вычурной речи (Клитемнестры у Эсхила. — В. Г.) дает стиль Еврипида, один из главных источников долгого, может быть, вечного обаяния его поэзии. Главное достоинство речи Еврипида заключалось в том, что поэт заставлял своих героев говорить обыденными словами, а слушателям казалось, что это тот же язык, которым говорят и они, но, вслушиваясь в музыкальные строки трагедий, афиняне обретали в них такое богатство оттенков и такую тонкость в разграничениях, которых не могла бы передать обыденная речь. Чтобы составить себе понятие о речи Еврипида, прочтите сначала пушкинского “Анчара” и потом “Валерик” Лермонтова. Вы почувствуете тогда в известной мере разницу между двумя типами красоты, которые родились из мрачной загадки Эсхила. Речь Софокла унаследовала ее синтетичность, стиль Еврипида развил и разработал богатые залежи мысли, которые таились в вешем слове старого сфинкса. Мне кажется, что в языке Еврипид разрешил задачу союза между глубоким одушевлением страсти и ясной гибкостью мысли»¹⁰⁴.

Все это и определяло для Анненского характер и черты того «русского Еврипида», которого он не просто «переводил», но «переживал»¹⁰⁵; и «переживание»

¹⁰¹ Анненский И. Античная трагедия // Театр Еврипида. Т. I. С. 27.

¹⁰² Там же. С. 30.

¹⁰³ Там же. С. 36.

¹⁰⁴ Там же. С. 40–41.

¹⁰⁵ Ср. в «Трагедии Ипполита и Федры»: «Дело в том, что я намерен говорить не о том, что подлежит исследованию и подсчету, а о том, что я пережил, вдумываясь в речи героев и стараясь уловить за ними идейную и поэтическую сущность трагедии» (Анненский И. Книжки отражений. С. 383). Странно было бы предположить, что «то, что подлежит исследованию и подсчету» может остаться самым по себе, вне всякой связи с художественной концепцией, переживаемой переводчиком. Такой перевод вряд ли имел бы большую художественную ценность.

(«отражение») это не имело той единственно субъективной, как это следует из самого термина, природы, которую с исключительностью можно приписать только биографически определенному «я» Иннокентия Федоровича Анненского, но, скорее, носило характер субъективно-эстетический. Анненский любил говорить не о своем «я», но о «нашем я», имея под этим в виду то принципиально важное для него эстетическое положение, что каждый из нас, а поэт только в преувеличенном виде, переживает субъективно некое коллективное, общее для всех и исторически сложившееся понимание и ощущение жизни. В этом и только в этом лежит эстетическое оправдание субъективного переживания. Поэтому и свое собственное «я» Анненский мог назвать «случайным я» (а свой стих «чужим», — см. «Мой стих»), ибо в случайности субъекта и субъективного переживания не было никакой опасности для коллективного целого (этот эстетический принцип Анненского перейдет потом к Б. Пастернаку: «И чем случайней, тем вернее / Слагаются стихи навзрыд», конечно, за вычетом «навзрыд», личного достоинства Пастернака). Коллективным сознанием, историческим временем определяется «современная чувствительность» (термин Анненского), как бы предстоящая субъективному переживанию, в рамках которой стираются границы между «своим» и «чужим», и в таком виде перенесенный в область перевода этот эстетический принцип был для Анненского и оправданием его работы над Еврипидом, и, пожалуй, единственным залогом «бессмертия» художественного творения в протекающем историческом времени.

В 1921 году в разговоре с М. С. Альтманом Вячеслав Иванов коснулся вопроса переводов древних авторов, в частности, перевода Софокла Ф. Зелинским, к которому он, по всей видимости, относился двойственно: «При всем уважении моем к эрудиции и таланту Фалдея Францевича, нужно сознаться, что его перевод далеко не классический, но <?> на нем нельзя остановиться как на окончательном. А между тем каждый классик должен быть переведен окончательно, канонизированно. Таковы, скажем, фоссковский перевод Гомера и шлегелевский — Шекспира. В России классическим переводом является “Одиссея” Жуковского. А “Илиада” Гнедича, хотя и не классический перевод, но занимает крепкое место, и только безвкусица нашего времени может отдать предпочтение переводу Минского»¹⁰⁶. Что имел в виду Вяч. Иванов под «окончательным, канонизированным» переводом, остается неясным, так как сам он не вдается в подробности объяснения. Быть может, «канонизированный», т. е. признанный классическим, и есть единственно возможное здесь объяснение.

Анненский тоже упомянул однажды фоссковский перевод «Одиссея»; не знаю, признавал ли он за этим переводом право быть «канонизированным» в том смысле, в каком об этом говорит Вяч. Иванов, ибо у Анненского сама концепция перевода другая, вряд ли и допускающая подобные термины, и, как обычно, противоположная Вяч. Иванову. Фоссовская «Одиссея» для Анненского является как раз примером именно «отражения» новым временем античного автора, и только как таковое оно имеет для нас ценность: «Итак, значит, символы, т. е. истинная поэзия Гомера, погибли? О нет, это значит только, что мы читаем в старых строчках нового Гомера, и “нового”, может быть, в смысле разновидности “вечного”».

¹⁰⁶ Альтман М. С. Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым // Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1968. Вып. 209. С. 311.

Когда люди перестали различать за невнятным шорохом гекзаметра плеск воды об ахейские весла, дыхание гребцов, злобу наступающего и трепет наступаемого, они стали искать у Гомера новых символов, вкладывать в его произведения новое психическое содержание. «Одиссея» в переводе Фосса тоже прекрасна, только античность точно преломилась у немецкого переводчика в призме немецкой пасторали. Среди гекзаметров, говорящих о семье Алкиноя, нет-нет да и послышатся гулкие звонки темно-красных коров с черными глазами, пахнет парным молоком, мелькнут зеленые шнуровки, большие красные руки, честный Ганс на его деревянных подошвах; вот медленно раскуривается чья-то трубка, а вот и пастор в черной шляпе и с палкой, сторбившись проходит около церковной ограды.

Но тревожной душе человека XX столетия добродетель пасторали едва ли ближе бранной славы эпоса, и символы Гомера возбуждают в нас уже совсем другие эстетические эмоции. Ахилл дразнит нашу фантазию своей таинственной и трагической красотой. Волшебница Кирка рисуется нам с кошачьей спиной, как у Берн-Джонса, а на Елену мы уже не можем смотреть иначе, как сквозь призму Гете или Леконт де Лиля»¹⁰⁷.

М. Л. Гаспаров предпринял попытку нового перевода Еврипида¹⁰⁸, совсем другого, чем у Анненского; перевода, интересного для нас больше всего, может быть, именно своим напоминанием о том, что новому времени хочется иметь своего Еврипида. Вместе с тем Еврипид Анненского останется в культурной памяти не только своей эпохи, но и как единственный пока имеющийся у нас полный «русский Еврипид», от которого это звание не отнимется еще долгое время.

В. Гитин, 1999

¹⁰⁷ Анненский И. Что такое поэзия? // Анненский И. Книги отражений. С. 204–205.

¹⁰⁸ Гаспаров М. Л. Предисловие переводчика к «Электре» Еврипида. С. 165–190.